КОНСТАНТИН БАЕВ

Восстания на Северном Кавказе в конце 1920-го года

ОКРЕСТНОСТИ МАЙКОПА

К. БАЕВ

Восстания на Северном Кавказе в конце 1920-года

КОНСТАНТИН БАЕВ

Восстания на Северном Кавказе в конце 1920-го года

Париж 1979

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Европа, да может быть и весь цивилизованный мир начинает понемногу просыпаться и отбрасывать иллюзии, преподнесенные им строителями земного рая в России. Последователи мифической теории Маркса и Ленина настолько усердно и успешно приготовили в свое время агитаторов для каждой страны в отдельности, что даже во Франции, преподаватели начальных, да и средних школ учили детей прежде всего социал-марксизму и ложной истории как дореволюционной России, так и самой русской революции. Например, даже сейчас, большинство молодежи знает на зубок октябрьскую революцию и все ея победы, но совершенно игнорируют и не имеют никакого представления о революции февраля 1917-го года, без которой, ведь, не могло бы быть ни октября, ни того-же Ленина жившего тогда в нейтральной Швейцарии.

Когда специальный поезд, провозивший Ленина и его лейтенантов через Германию прибыл в Финляндию и, пограничная стража задержавшая их всех собиралась уже разстрелять этих немецких наемников, так как русская контрразведка знала, что Ленин и иже с ним получили задание от германского генерального штаба — разрушить их восточный, то есть русский фронт. Но, когда, лишь для простой формальности было запрошено (по телефону) на это — разрешение у главы Временного Правительства социалиста Алекс. Ф-ча Керенского, то тот, как видно пожалев своего бывшего товарища по гимназии, не только запре-

тил разстрел, но наоборот — приказал, — приставив хороший конвой для их защиты, доставить всех их в полной сохранности в Петроград, где он и принял Ленина под свое крылышко. Всякому известно, как Владимир Ильич отблагодарил своего спасителя, которому удалось спастись лишь переодевшись в крестьянина. Об этом никто, ни в СССР, ни заграницей не должны знать. (Выдержки из воспоминаний начальника Российской контрразведки того времени полковника Никитина.)

Не вдаваясь в перечисление всего того, что было и есть запрещено, напомню лишь, что все книги, написанные в эмиграции до второй мировой войны о революции и гражданской войне в России были изъяты из всех книжных магазинов и — уничтожены, по крайней мере во Франции в 44-45-м годах. Поэтому сейчас существует лишь одна версия — советская — официальная история, правда же — не должна быть оглашена.

Многие, из сравнительно молодых французов, узнав, что я русский, зачастую задают мне вопросы на эту тему. Я — же, в свою очередь отвечаю им вопросом : « А что Вы — то знаете о российской революции ? » Ответ всегда один и тот-же : « Лишь то, что нам преподавали в школи ». То-есть — искаженную официальную историю как дореволюционной России, так и самой революции. Само собою разумеется, что благодаря такому толкованию, у слушателей получается ложное впечатление, будто-бы большевизм (марксизм) привился в России сам по себе — самим натуральным образом и, что мирное население

страны добровольно и даже с благодарностью приняли советский режим и вот уже шестьдесят лет, не переставая уничтожают кулаков и, врагов народа как в самой России, у своих сателитов, так и у поверившим их пропаганде недоразвитых народностей, главным образом в Азии и Африке.

Цель этих мемуаров не есть история Российской революции ни ея судорог ни Юденича, ни Колчака, ни, даже Добровольческой Армии, а лишь один из многих, и — быть может последних *крупных* возстаний, возникших сразу-же после крушения Добрармии и, Кубанской Армии.

Когда красные полчища захватили весь Северный Кавказ и, в частности Кубанскую область, то вместе с ними появились и карательные отряды, и че-ка и прочие нововведения, созданные для ловли и уничтожения « врагов народа » и, очищения страны от здравомыслящих и непокорных элементов. Будучи свидетелем того страха и недоверия друг к другу, даже в своей семье, так-как сосед доносил на соседа, дети в школе допрашивались и доносили на своих родителей и т. д., автор счел своим долгом возстановить истину, по крайней мере того эпизода, который в свое время не были оглашен даже в эмигрантской прессе. Возстановление — же правды о гонениях и о том терроре, при помощи которого советы смогли укрепиться в порабощенной ими России и без которого коммунизм не смог бы продержаться так долго, необходимо в данный момент, особенно для молодежи и для будущих поколений как России, так и других стран.

Воспоминания очевидца, не пожелавшего оставаться в раю (земном).

ВОЗСТАНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В КОНЦЕ 1920-го ГОДА

(К шестидесятой годовщине отвергнутых историей страничек прошлого)

Не об октябрьской революции идет речь. Этот юбилей — своевременно и с большой помпой был отпразднован за « железным занавесом ». Так-же и не о февральской безкравной, о которой робко вспоминалось лишь в эмигрантской прессе, но не в СССР, где не только школьники, но и большинство взрослых не должно иметь о ней никакого представления. Даже не о Добровольческой (белой) Армии — о которой писалось много и на все лады в свое время в зарубежной прессе; но о том, что происходило в тылу большевиков, после поражения и ухода ея в Крым, о чем не только советская, но и эмигрантская пресса почему-то умалчивала, а если и появлялись некоторые заметки о Фостиковской Армии, то лишь в искаженном виде. Получалось впечатление, что истина кому-то мешала.

Участнику, этого движения мне кажется было-бы не лишним оповестить, теперешнее и будущее молодое поколение о терроре, сопровождавшем приход красной армии и последствия очистки страны от « инакомыслящих », как их теперь называют.

Начнем с моих личных воспоминаний тех стародавних времен. Воспитанник последнего курса Кубанского средне-Технического училища в гор. Майкопе я, как и большинство моих сверстников в то время ни о чем другом не думал, как об учении. Но тут снова разразилась гроза. В 1919-м году на фронте Белой Армии, подходившей уже к Москве, создалось более чем серьезное положение, следствием которого была объявлена мобилизация так-же и ученической молодежи моего 18-ти летнего возраста.

После двух или трехнедельного пребывания в особой Ученической роте в городе Ставрополе нас всех, имеющих достаточный ценз образования, отправили в Военное-Училище, (Ставропольские ускоренные курсы по подготовке пехотных Офицеров). Спешная и усиленная подготовка; кроме теоретических и строевых занятий, каждодневная утренняя тренировка и сокольская гимнастика, большей частью на снегу. Таким образом, за 3-4 зимних месяца юнкера получили очень серьезную закалку. Неся одновременно сторожевую службу : дежурства, дозоры, заставы на окраинах города, все это не позволяло нам следить за внешними событиями, так, что мы и не заметили как большевики подошли к самому Ставрополю. Боевое крещение мне суждено было принять при попыт-

ке защищать город, так, что нас там так пощипали, что — когда мы — юнкера, собрались на следующий день в ст. Николаевской Куб. обл., то оказалось, что от моей 4-й роты осталось в строю всего лишь 19 человек. В Екатеринодаре мы вдвоем с Николаем Б-м встретив знакомых по Тех. Уч. юнкеров Куб. Алексеевского Воен. Училища, по их рекомендации поступили в это училище и с ним вместе после эвакуации Екатеринодара отступали, по непролазной грязи растоптаного только что прошедшей кавалерией чернозема, до станицы Хадыженской, откуда, после короткого отдыха прибыли в Туапсэ и оттуда, после двухдневного марша по шоссе вдоль Черноморского побережья в канун Св. Пасхи пришли в село Лазаревку. Отдохнув там три дня, мы перешли реку Псезуапсе и, вырыв каждый для себя ложемент (маленький окоп) отбивали атаки красных в течении трех дней. На четвертый день наш батальон оказался отрезанным от наших главных сил, т. к. большевикам удалось переправиться через реку у самого берега моря и мы очутились в тылу у красных. Не желая сдаваться в плен, по инициативе командира батальона полковника В.К. Зродловского было решено подниматься на главный хребет, продвигаясь вдоль Черного моря а там —, на все Божья Воля. Во время этого перехода все мы, как юнкера так и начальство воочию убедились, что самое страшное, — даже не голод а — жажда. Кое где, в ложбинках оставался не успевший еще растаять грязноватый снег, вот им то юнкера и спасались наполняя свои котелки снегом и, — по мере того,

как он таял, по капельке глотая драгоценную, живительную влагу. Когда, уже спускаясь с гор дошли до леса и расположились бивуаком то по чьему-то почину все мы (около 700 человек) превратились в сосунков, пробив штыком древесную кору и, приложившись губами, утоляли жажду древесным соком.

Лишь к вечеру четвертого дня, с трудом переправившись через полноводную и быструю реку Шаху нам удалось найти наши части и, на пятый день достигли штаба, где, медицинский контроль отправил меня с Николаем Б. в числе десятка других юнкеров в госпиталь города Сочи, в команду выздоравливающих на три недели, но — уже на третий или четвертый день, услышав канонаду боя где то неподалеку от города, мы с Николаем покинули госпиталь и, по шпалам строющейся железной дороги прибыли в Адлер. Накануне Военное Училище было погружено на последний пароход « Бештау ». Грузинская граница была для нас закрыта и путь в горы был непроходим ввиду свирепствовавших там бурь и снежных заносов на перевалах. Поэтому Кубанская Армия сдалась в плен красным и, как и все другие, мы вынуждены были сдать наши винтовки и под конвоем, уже в качестве военнопленных, отправиться обратно пешком по той же дороге.

Пройдя Сочи мы с Николаем начали понемногу отставать, т. к. наши недолеченные ноги не позволяли нам следовать за другими. Один из конвойных попробовал было нас подгонять, но когда мы показали ему наши растертые до крови ноги, он, оказавшись сердобольным малым, посо-

ветовал нам переждать в кустах прохода всей колонны пленных, добраться до находящейся неподалеку станции железной дороги и, оттуда поездом доехать до Туапсе. Так мы и сделали. На вокзале в Туапсе мы обратили внимание на погрузку пленных черкесов т. н. « Дикой Дивизии » и, направились в их сторону. Случайно встретивший нас пленный черкес, оказавшийся командиром эшелона, узнав меня (он когда то бывал в нашей семье) сразу-же назвал меня по имени и задал нам некоторые вопросы. Узнав о нашем положении и, чтобы помочь нам, зачислил нас обоих в число нестроевых его эшелона и, объяснил нам, что все нижние чины направляются в Армавир для допроса, а они — офицеры должны явиться для особой регистрации в Екатеринодар. На прощанье он посоветовал нам совершенно « забыть » о том, что мы были в военном училище и, ни в коем случае не проговориться об этом на допросе. Эта, случайная встреча, во первых многим помогла нам в будущем, а во вторых, дала нам возможность воочию убедиться в легендарной верности дружбы горцев : за того, кого он считает своим другом, черкес, что-бы вызволить его из беды, готов отдать все. В противном случае, не долго ему задумываться, чтобы всадить свой кинжал в изменника или недруга.

Ввиду того, что не было никакой возможности втиснуться в переполненные вагоны, т. к. черкесы, вынужденные разстаться со своими лошадьми, все же сохранили их сбрую, седла и всякое имущество, то мы в момент отхода поезда забра-

лись на крышу вагона и, путешествовали лежа, распластавшись на ней, особенно при проходе поезда через длинный тунель. Копоть и дым превратили нас в негров, так, что мы стали совершенно неузнаваемы.

По прибытии в Армавир нас, человек десять нестроевых, так-же как и самих черкесов разместили в пустых казарменных конюшнях, но мы предпочли, пользуясь идеальной восенной погодой, (20/4-1920 года по ст. стилю), спать на открытом воздухе, во дворе на соломе. Всем нам было выдано по несколько листов анкетных бланков (5 или 6) на которых нужно было указать всё без утайки, начиная чуть ли не от прабабушки. Держались мы все дружной группой и, по просьбе малограмотных туземцев заполняли для них их анкетные листы; эта работа доставляла нам некоторое разнообразие в ожидании регистрации. Среди нашей небольшой группы « нестроевиков » мне особенно запомнился небольшого роста кадетик, совсем почти мальчик, Владикавказского к. корпуса, очень скромный, словоохотливый, можно даже сказать — милый молодой человек. Все мы, так же как и черкесы его любили и уважали как родного.

Незабываемый час допроса. В момент, когда мы с Николаем входили в зал, то мое внимание обращено было вглубь зала, где, между двух солдат при штыках я узнал нашего милого кадетика. Куда его повели и, что с ним сталось, один Бог знает, но мы видели его в последний раз.

У моего приятеля было удостоверение, выданное ему техническим уч-щем о том, что он был

действительно мобилизован и его допрос состоял лишь в том, что-бы установить, что удостоверение было выдано именно ему, а не кому-либо другому. Поэтому, допрашивающий его следователь задал ему лишь несколько вопросов о педагогическом составе этого училища. Николай, на его вопросы отвечал быстро, спокойно и, уверенно, вследствии чего стало ясно, что тут никакого подлога не может быть.

Совершенно обратное было у меня. Никакого удостоверения у меня не имелось, выглядел гораздо моложе своих лет и, поэтому доказать, что я был мобилизован, а не пошел добровольцем, мне было гораздо труднее, тем более, что меня допрашивал следователь очень грубый с физиономией каторжника, или, вернее матроса, так как каждая его фраза оканчивалась отборными ругательствами. По мере того, как он знакомился с моими ответами в анкетном листе он произносил: « Брешешь !.. Такой сякой, так я тебе и поверил... мобилизован... г-м !.. Да ты посмотри на себя, у тебя еще на губах молоко не обсохло !.. » А потом, меняя тон : « Ты лучше скажи какого ты корпуса, иль может юнкер ?.. ты признайся !.. Если признаешся сейчас, то пойдешь в нашу военную школу, будешь нашим красным офицером »...

Выведенный из терпения моим упорством, он резко нажал на кнопку электрического звонка и, два солдата при штыках подошли и стали около меня, но им не удалось меня увести как того кадетика. Соседний следователь, сделав знак солдатам, что-бы они удалились, не отпуская Нико-

лая подозвал меня к его столу и, очень вежливо сказал: « Вы сейчас говорили, что Вы учились в Техническом Училище?.. Мы это сейчас проверим. Быстро и без заминки отвечайте на мои вопросы: Кто был у вас директором? его имя и отчество? Кто преподавал технологию?.. Химию?.. » Я быстро и уверенно отвечал называл имена и фамилии инженеров и профессоров: у него были уже записаны показания Николая и, он, очевидно, думал быстротою своих вопросов сбить меня, и мы оба были-бы уличены во лжи. « Я задам Вам еще один вопрос от которого будет зависеть ваша судьба... Кто преподавал вам словесность?.. » « Супруга профессора Федора Тимофеевича Ф. ... » « Знаете ли Вы ее имя и отчество?.. » « Да!.. Екатерина Михайловна ». Он улыбнулся и, давая нам по билетику произнес: « Зайдите в канцелярию налево по выходе, для получения удостоверения на право возвращения на родину ». Внизу этого Удостоверения значилось: в 48 часовой срок по прибытии явиться к коменданту для проверки.

У коменданта я так и не был. Но об этом расскажу в свое время. Нужно ли описывать — радость, с которою мы покинули казармы и, с каким облегчением пришли на станцию железной дороги. Зайдя в станционную залу, в ожидании поезда случайно встречаем одного из наших сверстников по Техникуму из Черкесов. Разговорились. Он подводит нас к группе пожилых черкес и представил нас своему отцу, тоже пленному из « Дикой Дивизии », и тот, Узнав — кто мы, на ломанном русском языке пытался нам объяснять,

что ни один горец не согласится жить с коммунией. « Подождите мы им покажем !.. » В это время подошел наш поезд, и мы поторопились занять места в вагонах. В тот же день мы были в Майкопе.

Наконец — дома.

Приехав в город 23/4 1920 прямо с вокзала зашли мы к моей сестре, жившей поблизости. По привычке, войдя на кухню, через двор, изумленные мирной идилией представившейся перед нашими глазами, мы остановились как вкопанные. В столовой, — рядом с кухней, за большим столом сидели — сестра, она же крестная мать Николая, мама, и кузина с 12 летней дочерью Настенькой и, преспокойно пили чай. Как бы пораженные зрелищем ни я, ни Николай не были в состоянии произнести хотя бы одно слово, и стояли как истуканы. Все на нас смотрят и, как видно — нас не узнают. Это нас еще больше обезкураживает Молчание было нарушено мамой : « Что вам здесь нужно ?.. » Этот вопрос еще больше нас ошеломил. Слезы были на борту, готовясь брызнуть из глаз. Вдруг, 12-летняя Настенька — узнала. Одним прыжком, произнося мое имя очутилась подле нас и, повисла у меня на шее. Само собой разумеется, что радость была неописуемая, не только у моих ближних, но и в семье Николая, когда узнали, что Николай жив и пришел домой.

На следующий день, вместо того, чтобы явиться к коменданту, как это значилось в документе, я зашел к директору Техникума который посоветовал мне к коменданту не являться, а, просто —

зарегистрировать в местном райкоме удостоверение, которое он тут-же выдал, так как регистрация населения еще до сих пор не закончена. Что я и сделал не медля ни минуты.

С документом в кармане, чувствуя себя полноправным гражданином, пошел я по городу и, на одной из центральных улиц встретил одного из наших техников. Не останавливаясь — разговорились о том о сем. Обратив внимание на то что мой собеседник слишком уж часто оборачивается и, разглядывает по сторонам, я его спросил : ищет ли он кого нибудь ? « Знаешь ? — поторопился он мне ответить — запомни на всякий случай, что мы говорим о Верочке и Анечке, наших общих знакомых !.. » « Что за чушь ?.. » удивляюсь я ». « Это очень важно, так ты еще этого не знаешь ? — здесь ходят шпики и, когда увидят прохожих, мирно беседующих, притворяются такими же мирными прохожими и, поравнявшись с ними берут каждого под руки, разводят их в разные стороны на некоторое разстояние и, каждого в отдельности расспрашивают, о чем они вели разговор. Если их ответы совпадали, — то их отпускали, иногда даже извинившись, но — горе, если один скажет одну версию, а другой — иную. Тюрьмы уже давно заполнены, погреба, даже частные, где сохраняются овощи и, где солят огурцы реквизируют и сажают туда т. н. ВРАГОВ НАРОДА ».

Это подтвердил мне и Ленька З. с которым я беседовал на следующий день в воскресенье у него на дому. Он мне поведал и рассказал о том, что происходит в городе. Рано утром приходят,

забирают ни в чем не повинных людей, часто просто по доносу. Арестованные уводятся неизвестно куда и, большинство из них пропадает безследно. Долго мы с ним беседовали и, в конце концов он завел меня в отцовский салон (отец его был парикмахер) и, там сбрил мою запущенную шевелюру. И хорошо сделал. Вечером того же дня я заболел сыпным тифом. Срочно вызванный врач сразу-же отправил меня в госпиталь.

Долго ли я пролежал без памяти — не знаю, но помню хорошо, что придя в себя я заметил прежде всего, что лежу среди красноармейцев. Стало-быть следует держать « ухо остро и язык за зубами ». Подтверждение этому я получил во время одной из прогулок, когда учился ходить (на костылях), нас было 5 или 6 человек. Утомившись изрядно, разселись мы на травке в кружок и, солдатня пустилась рассказывать о том, как они воевали, где кто был ранен и прочее. Доходит очередь до красноармейца сидевшего рядом со мною :« Ну, а ты — как ? » « Да мне — право — даже уж стыдно об этом рассказывать... » « Ну ! да рассказывай, как ?.. » « На пасхальной, значит, неделе это было, бились мы за Лазаревку. Село-то забрали, а там речка, да быстрющая такая, а за нею — юнкаря проклятые засели. Мы, — в атаку, а оттедова только Пук.. да Пук... А после каждого ефтава Пука один из наших и поплыл вниз — а море-то братцы мои, совсем близко, тут-же. Так вот же, проклятаи м..малокососы, ни одного патрона зря не выпускают. Видим, что не добраться нам до другого берега — ну мы и отступили. Вторая атака закончилась

так-же. А на третий раз — и меня садануло — в плечо, и я поплыл... Эх !.. кормить бы мне — часом — рыбешку в море в Черном — да, к счастью корешок тут был коло меня, спаси его Господь, вытянул меня на берег ». По мере того, как он рассказывал, он — как бы входил в азарт и, в заключение, озираясь по сторонам : « Эх !.. Кабы-б хоть один из этих М.м. паршивцев попался бы мне на глаза ? !.. Я б ему, суккину сыну !.. с... ноги — б повыдергивал ». К моему счастью я сидел не напротив него, а с боку. А то, — чем чорт не шутит. Мог-бы попастся ему на глаза.

Во время моего выздоровления, кроме родных, приходили проведать меня и некоторые мои однокашники, иногда даже в компании знакомых барышень-гимназисток. Одним из последних пришел меня проведать, и одновременно проститься со мной, мой постоянный спутник по моим приключениям последнего времени Коля Бел. Он поведал мне, что получил хорошую службу, по специальности — техником по лесоустройству. Жалованье — как мне показалось даже по тем временам — очень заманчивое. Будучи уже заграницей, когда я уже начал переписываться с родными, меня просили узнать, нет ли Николая где нибудь за границей, так-как с тех пор как он так хорошо устроился по лесоустройству, во время моей болезни, он исчез безследно, — как в воду канул. Покинув госпиталь, дома я впервые увидел отца. Боже !.. как он изменился за каких нибудь 5-6 месяцев моего отсутствия, а главное, — я не мог добиться от него ни слова. А ведь он

был такой словоохотливый, такой балагур. Позже — я узнал от других, что он тоже стал жертвой доноса, — а месяц спустя выяснилось, что он был арестован по « ошибке ».

На следующий день по моем выходе из госпиталя почтальон приносит мне письмо. Подписанное им : « твой брат Андрей ». Читаю — и не узнаю —, почерк, как будто и его, но стиль, — слог — совершенно не похож, да кроме того, уж слишком пахнет политграмотой, о которой я уже в то время имел кое-какое представление. Ясно видно, что это письмо он писал под диктовку.

В один прекрасный день, сижу я под цветущей липой у крыльца отцовского дома и, так увлекся чтением, что даже не заметил чье-то присутствие неподалеку от меня. Здоровается... Кто же это так фамильярно обращается ко мне ?.. Поднимаю голову и вижу, передо мною стоит молодой, стройный красный офицер в блестящей форме, — на груди — какие-то декорации.

« А кто Вы ?.. — спрашиваю — я вас не знаю ». « Ну !.. не притворяйся !.. Что же ? Не узнаешь меня ?.. Володьку то Яковелва ?.. Юзичихина внука ?.. » Тут только я вспомнил, как мы с ним — малышами — блукали по лесу, да как мы из себя строили манифестантов в детские годы (в 1905-м году).

Сын сапожника, он, в детские годы проводил лето у своей бабки, а осенью уезжал домой в Царицын (бывший Сталинград, а ныне — Волгоград). Он мне поведал, что с самого начала революции он поступил добровольцем в ряды красной армии и о том, как он отличился и —

теперь — командует пулеметной бригадой, которая и помещается в бывших батарейских казармах — что — напротив нашего дома, так что, проходя мимо он « случайно » узнал меня. Лишь только я заикнулся, что-бы рассказать кое-что о себе, как он перебил меня, заявив, что это безполезно, так как он знает всю (как он выразился) « мою подноготную ». Эти слова заставили меня призадуматься и, быть особо осторожным в наших беседах, так-как он стал заходить ко мне почти каждый день « мимоходом ». Однажды, увидев, что на моих ногах (как он выразился) « ботинки каши просят », он, попросил у меня молоток и гвозди и, не долго думая снял свой китель и, через несколько минут мои ботинки « насытились ». Этот жест показал мне, что его чувство по отношению к своему товарищу (без кавычек) детства может быть и откровенно, но все-же продолжаю быть с ним « знающим всю мою подноготную » осторожным. Внешне, я показывал вид более — менее дружеский, и ни в чем ему не противоречил. Начинаю по немногу поправляться, ходить, — даже шляться по городу, встречать и беседовать со знакомыми, но все — еще чувствовал слабость в ногах.

Однажды, приходит ко мне В. Яковлев. Вид у него серьезный и, озабоченный : « Я пришел, что-бы предупредить тебя (по секрету) — через две недели будет объявлена мобилизация твоего возраста. Найлучшим выходом для тебя было-бы поступление добровольцем в Красную Армию. так-как мобилизованного, тебя пошлют неизвестно куда, туда, куда им вздумается, тогда как

доброволец все-же имеет некоторые привилегии. Скажи лишь мне, что ты согласен и я сделаю все остальное. Я возьму тебя к себе в бригаду. Ты будешь моим личным секретарем. Уверяю тебя, — у меня ты будешь — как у Христа за пазухой. Скажи лишь — что ты согласен »... « Ты прав — конечно, — отвечаю я ему, — но, видишь-ли ?.. это — вещь серьезная, и требует размышления, так, с бухту-барахту ничего я не могу сказать ». « Конечно !.. — Конечно, официально — мобилизация будет оглашена лишь через 15 дней. Я даю тебе недельный срок, подумай, посоветуйся с родными... До этого я тебя не буду безпокоить... » На этом мы и разошлись.

Не желая попасть к Христу за пазуху я решил искать другого выхода. До этого я уже знал, что в городе ходиил слухи о формировании партизанских, бело-зеленых отрядов в прилегающих к городу лесах и горах и, что готовилось возстание, целью которого было — свержение уже зарекомендовавшего себя страшным террором ненавистного коммунистического режима. Официально, в городе говорили просто о каких то « Зеленых бело-бандитах », а на самом деле, большинством — то населения на них возлагались большие надежды. Среди моих друзей и сверстников многие только ждали случая чтобы переброситься к партизанам. Ф.К. заходивший ко мне, чтобы навестить меня выздоравливающего назвал еще двоих из наших техников В.Ф. и Н.Ч. все они задавали себе и друг другу вопрос : « А как к ним попасть ?.. » Поэтому, как только мне стало известно о мобилизации, я в тот-же день пошел в

Училище, в надежде встретить там кого либо из нашей группы.

Подходя к « Техникуму » как его уже успели переименовать, я наткнулся на Вл. Черного с которым у меня были более чем дружественные отношения. Обменявшись банальными приветствиями я ему сообщил о моем открытии и о том, что, желательно было-бы узнать, как попасть на другую сторону. Перебив меня на полу слове он поведал мне, что о готовящейся мобилизации он знает уже давно, так-как он служит « вестовым » у коменданта города. Прибавив к этому, что и сам комендант находится в связи с подпольной организацией и, всячески помогает повстанцам. « А сколько вас в группе ? » « Нас, четверо ». « Так вот, ты наверное знаешь дорогу на ст. Кужерскую ? » « А как же ? » « Примерно на полпути до станицы увидишь большую табачную плантацию. За пол версты до нея идет дорога вправо, к лесу. Вскоре, уже в лесу, наткнешся на разветвление дорог — бери среднюю, которая и приведет вас к лесной сторожке, а там не забудь сказать « пароль ». Никаких записок при себе не имей, а там лесник сделает все необходимое для того, чтобы вас провели до штаба ». И мы разошлись.

Вскоре, во дворе « Техникума » уже вчетвером мы обсуждали наш план, и — решили не терять времени и выступить завтра-же, рано утром.

Наутро, задолго до восхода солнца мы уже шли по дороге на Кужерскую. У каждого из нас в руках, тяпка, — как-бы для полки подсолнухов или кукурузы. Впереди, шагах в полсотни идет 13 летний братишка Вл. Ф-ва. Его задача заклю-

чалась в том, что-бы предупредить нас условным знаком о всегда мозможной, непредвиденной опасности. Таким образом мы благополучно дошли до плантации, потом и до леса. Дойдя до скрещения дорог и, вручив наши сельско-хозяйственные инструменты нашему разведчику и, распрощавшись с ним, мы двинулись дальше по средней дороге идущей вглубь темного, дремучего леса. Солнце было уже недалеко от горизонта, когда мы, наконец подошли к караулке. Вышедшая навстречу нам старушка, сначала осмотрела нас — скорее с недоверием, но когда услышала знакомое, заученное слово, сразу-же преобразилась: « Да вы, детки, должно-быть проголодались с дороги?.. » Пойдемте в хату. Покушаете немного. Лишь только мы закончили наш плотный и, по правде сказать, вкусный лесной ужин, как появился и сам лесник седой. Симпатяга! Не долго думая он провел нас на полянку в лесу и попросил подождать, пока он нас не позовет. Уже начало темнеть, когда он наконец пришел за нами. Во дворе караулки было уже человек десять таких как мы, из них — два проводника. Перебросившись несколькими словами с лесником, они тут-же, несмотря на темную ночь, повели нас всех по каким то тропинкам и маленьким лесным дорожкам. Куда? Иногда мне казалось, что мы, кружась и делая зигзаги, недалеко отошли от караулки, хотя и шли не останавливаясь всю ночь. На разсвете сделали привал, около небольшой полянки, откуда уже доносился стук топоров. Еще часа 3 или 4 марша — и мы в « штабе ». Подводят нас к группе людей, сидящих, кто на обрубках стволов,

кто просто на корточках а кто и стоя и, о чем то оживленно разсуждающих. Нас представляют старшему. Это был грузин средних лет, есаул Уркмелидзе, на первый взгляд даже суровый, по русски говорит почти без акцента. Узнав, что мы — техники, он как-бы обрадовался : « Вы — техники ? ! Прекрасно ! Вас четверо ? Будете у нас основателями инженерно — саперной команды ». Первым нашим заданием было — постройка жилья, на случай непогоды. Само собою разумеется, что хоромы мы не могли построить, но, несмотря на полное отсутствие каких бы то ни было инструментов кроме шашек и палашей, когда, через лишь несколько дней прибыл из Майкопа Полковник Крыжановский и, — как старший в чине — возглавил, то к тому времени уже стояло несколько шалашей покрытых травой, в которой недостатка не замечалось, особенно в папоротнике, через который, местами, даже пролезть было невозможно. Сухая же травка нам заменяла тюфяки, да матрасы. Но довольно нам болтать о жизненном комфорте, расскажем скорее о том, как организовывался наш отряд.

Во время развала Добрармии генерала Деникина и катастрофическом ея отступлении, два терских офицера, полковник Скляров и есаул Яневичь пытаясь догнать их полк, из Терской области прибыли в Майкоп в начале марта, когда красные уже подходили к городу. Для того — чтобы не попасть в лапы большевикам, они ушли вглубь девственного Махошевского леса находящегося вблизи Майкопа. Имея точную карту местности, они быстро ориентировались и при-

нялись посещать лесничии сторожки, куда они представлялись, как простые терские казаки. Войдя в доверие лесников у которых зачастую скрывались казаки, не желавшие подчиниться новой власти, они занялись пропагандой, призывая казаков к возстанию против большевиков. В результате этой пропаганды, вскоре организовался в глубине леса, между станицами Махошевской и Кужерской, небольшой отрядик под командой хорунжего Ющенко. Скляров же и Яневичь, сами не состояли в числе партизан Ющенко, но — часто навещали его, а главное — посещая разные станицы и, бывая даже в городе, распространяли слухи, нарочно преувеличенные о существовании якобы большого отряда, хорошо вооруженного и организовывающегося в лесу. Благодаря их активности отряд пополнялся вновь прибываемыми лицами. К концу апреля в штаб повстанцев прибыл Есаул Уркмелидзе и принял командование отрядом. Он-же и принес из Майкопа важную новость : Красный комендант города — наш, и всячески помогает скрывающимся в Майкопе офицерам и, что сам он предполагает перейти к повстанцам.

Каждый день прибывали все новые группы повстанцев — так же как и офицеры. Есаул Погожев, хорунжий Хорунжий, Есаул Залазин, Хор. Малиновский, Мичман Тарасов. Не будем считать многочисленных юнцов, главным образом воспитанников Средних Учебных Заведений, в числе первых понявших несуразность и жестокость коммунистического строя, и жаждущих его свержения.

Одновременно с отрядом Ющенко на Кубани организовывались в разных подходящих для укрытия горно-лесных местах многочисленные партизанские отряды. Укажу лишь некоторые из них, о которых знал наверняка. Неподалеку от Екатеринодара, действовали отряды Чичи-Бабы и Иванова, нападавших главным образом на поезда и, дезорганизовывавших большевицкое железнодорожное движение. В горном районе, неподалеку от нефтяных промыслов, тревожили красных отряды Фартукова и Тимченко. Эти отряды действовали самостоятельно, не признавая никаких вождей. Самим же крупным партизанским отрядом, кроме Крыжановского был тоже в районе Майкопа отряд полковника Посевина. О зарождении этого отряда рассказывали следующее: В марте месяце хорунжий Счастливов собрал вокруг себя небольшой отряд зеленых. Когда число бойцов достигло 80-ти, командование принял войсковой старшина Миронов, а немного погодя его заменил полковник Посевин, сразу-же приступивший к организации своего отряда. К началу июля, когда его отряд достиг 1000 бойцов, он был разделен на пеших и конных. Батальоном пластунов командовал капитан Бойко, а кавалерией — сотник Тураев. ...Но вернемся к нашему — Махошевскому отряду, командование которым принял на себя полковник Крыжановский. Он — тоже организовывался.

Однажды наши дозоры донесли полковнику, что рано утром большевики привели и устанавливают орудия на опушке леса с явным намерением обстрелять наше убежище. Не теряя ни секунды

полковник приказал всем покинуть наш бивуак и отойдя на 100 шагов, разсыпаться в цепь. Едва лишь мы успели залечь в цепи, как раздались первые выстрелы. Всего выпущено было около 20 снарядов из коих два, или три попали (можно сказать) прямо в точку. Одним из них было разметано несколько наших шалашей, а другим — был значительно углублен родник, дававший нам питьевую воду.

Так-как это был источник одного из притоков реки Фарс, то и было решено, что, так-как наше убежище открыто, то оставаться здесь нам было бы более чем опасно, так что пришлось перейти на кочевой образ жизни. Сначала атаковали станицу Кужерскую и, продержавшись в ней до вечера, снова вернулись под прикрытие дремучего леса. На следующий день, сделали набег на Махошевскую, потом посетили еще какую-то станицу, и так всякий день колесили по лесу, передвигаясь от одной станицы к другой. Это нам позволяло, не только постоянно быть в движении, но так-же давало возможность пополнять наши запасы оружием и, припасами как боевыми так-же и пищевыми. Ртов-то прибавлялось — все больше и больше. Станицы, прилегающие к лесу были нами посещаемы по несколько раз.

Одно из таких посещений станицы Махошевской едва не кончилось для нас трагически. Выйдя из леса и, приближаясь к станице мы наткнулись на сильный, вооруженный многочисленными пулеметами « Максима » карательный отряд. Мы были уже у самой станицы, место открытое, кругом поля, на которых зреют под-

солнухи. Наши ребята — больше-молодежь, одна винтовка на троих — примерно, а патронов — как кот наплакал, их надо приберегать, а пулеметы то все строчат, да строчат по подсолнухам, откуда уже раздавалось хоровое пение Кубанского гимна. Это — молодежь, чувствуя верную гибель решила умереть с честью и с пением : « Ты Кубань, ты наша родина ». Случилось чудо. Всем нам удалось доползти до леса. А, ведь, при наличии хороших пулеметчиков, не сдобровать бы нашему брату. В лесу — уже мы чувствовали себя как дома, так как большевики были храбры лишь вдали от лесной чащи, на больших дорогах, да и то, — когда они вооружены до зубов и перепоясаны пулеметными лентами. После этого случая наш отряд в полном составе направился в другую сторону и остановился бивуаком неподалеку от станицы Тульской, отстоящей от города всего лишь в 11-ти верстах.

В это время у нас появился первый наш артиллерист, Есаул Мыльников, с которым меня связала судьба, думаю, потому, что он, так же как и я, был оставлен на произвол судьбы своими и, поэтому попал в плен к красным. Позже, он стал организатором, и руководителем нашей артиллерии. — С самого его появления в отряде мы с ним сблизились, рассказаывали друг другу каждый о своих приключениях. Таким образом мне стало известно, как он — студент Донского Политехнического Института в самом начале войны 1914-го года поступил добровольно в действующую Армию, как после первого ранения поступил в Киевское Артиллерийское Училище. Под Новороссий-

ском его батарея защищала до последней минуты погрузку на корабли и, до отхода последнего корабля в Крым. Безвыходное положение... Мест больше нет. Плен. Станица Шапсугская, где он, в числе 14 офицеров был спасен от расстрела пленными-же казаками его батареи. А потом — в Майкопском подвале набитом как сельди в бочке, людьми. (Это мне подтвердило то, что мне рассказывали мои одноклассники в Майкопе.) Все 40 человек из подвала были выведены для расстрела за город. Из 40-ка, лишь ему одному удалось бежать с простреленным плечом. Через несколько дней после « расстрела » он наконец нашел наш отряд. В доказательство правдоподобности его рассказа он показывал свою гимнастерку с простреленным плечом.

Полковник Крыжановский то-же как будто питал к Мыльникову какую то особую симпатию и, поручал ему самые деликатные и секретные миссии, как например, налаживание связи с Майкопом. Однажды Есаул предложил мне, а так-же и некоторым другим из молодежи, как Гладкову, Фуфаеву и Данилову участвовать в разведке под самый Майкоп. Все мы, — конечно — согласились. Для этого необходимо было, покинув Махошевский лес, перейти через реку Белую выше станицы Тульской и, по противоположному откосу хребта доминирующего Майкоп, добраться до цели, т. е. до лесничей караулки, подходы к которой нужно было выяснить. По дороге мы встретили идущий нам навстречу батальон пластунов из отряда полковника Посевина, идущего в станицу Царскую, для соединения обоих отря-

дов вместе. Командир батальона капитан Бойко сообщил Мыльникову что станица Курджипская, которую он только-что покинул — свободна, то есть в наших руках и Мыльников решил в ней переночевать. На утро, отдохнув довольно комфортабельно, нам легче было подниматься на хребет и продираться по густым зарослям, и тропинкам, заросшим кустарником, которые и привели нас к самому городу. Перед нами представился Майкоп во всей своей красоте. Между нами и городом непроходимая пропасть-круча, за которой бурлить быстроводная река Белая, за ней видны казармы батарейцев, а сразу — за ними начинается и город. Прямо против нас я вижу, как на ладони мой родной дом.

Мы стоим и любуемся правильными квадратиками, разделенными прямыми как стрелы улицами. Все это утопает в зелени, особенно с левой стороны, где виднеется роскошный городской сад. Слышен чей-то возглас: «Эх!.. Пустить-бы по саду пару очередей, там сейчас, наверное, комиссары разгуливаются!..» Но Мыльников приказал не озорничать и не шуметь. Я только что указал есаулу поляну, за которой находятся окопы, проходящие перед самой караулкой. На самом деле, когда мы подползли поближе к полянке, мы заметили несколько солдат, спокойно прогуливающихся за окопами, и ничуть не подозревающими о столь близком нашем присутствии. Полюбовавшись еще разок родным городом и, взглянув в последний раз на свой дом (как оказалось потом, это было последнее прощание с родными краями). Обратный путь мы держали по

противоположной стороне хребта по направлению на станицу Тульскую. Отсюда нам хорошо было видно и новенький дубильный завод (дубэкстракт) и лагерные казармы, и полигон лагерных сборов. Не упустил я случая показать есаулу и окопы, пересекающие всю долину, от реки Белой, до самой горы и леса. Так как Тульская была в то время « нашей », то, переправившись вброд через реку мы вошли в станицу еще до захода солнца и там заночевали. На следующий день мы были уже в станице Царской (Впоследствии переименованной большевиками в « Новосвободную »). Во время нашего отсутствия произошло соединение отрядов. Полковник Крыжановский остался командиром корпуса, полковник Посевин стал атаманом Партизан, или — как его называли « Зеленый атаман », войсковой старшина Миронов — начальником штаба, полковних Скляров — командиром кавалерийской бригады.

С этого момента и начались крупные операционные действия, результатом которых был очищен от большевиков весь горный район Майкопского отдела и это — в очень короткий срок. Наша группа « саперов » около десяти человек, после разведки была зачисленна в распоряжение коменданта станицы Царской, и одновременно посещали курсы, главным образом по пиротехнике, устроенные капитаном Щербак при станичной школе. Мыльников же, в ожидании обещанных ген. Фостиковым орудий, был занят устройством связи с Майкопом, то есть с его « красным » комендантом капитаном Вирченко. Эту миссию ему удалось выполнить блестяще. После этого,

капитаном Вирченко, почти ежедневно передавались все засекреченные большевиками документы, или их копии, сразу-же по их прибытии к коменданту города Майкопа.

Имея все данные о количестве войск в районе Майкопа, их расположение, — посты, дозоры, у партизан подымался воинственный дух, особенно после того, как было сообщено, что из Крыма готовиться высадка где-то на Черноморско-Кавказскм побережье. Мы — молодежь, да и кое кто и из офицеров уже поговаривали, что мы скоро будем в Майкопе, но — благоразсудительный и опытный полковник Крыжановский разсуждал иначе и, удерживал пыл горячей молодежи как мог. « В данный момент, при наличии имеющихся у нас сведений, — говорил он. — Взять Майкоп мы сможем — когда мы захотим. Но — сможем-ли мы его удержать ?.. Вот вопрос. Большевики имеют возможность получить довольно быстро большие подкрепления и, мы, из-за недостатка боевых припасов вынуждены будем покинуть город на « милость победителя ». Что станет тогда с населением ?.. « Полковник Посевин предлагал объявить мобилизацию в занятых станицах, на что Крыжановский возразил : « Наш корпус состоит из людей, казаков и иногородних, примкнувших к нашему освободительному делу добровольно. Мобилизация-же, особенно, в данный момент, сможет помочь, но только не нам, а большевикам, — для их пропаганды. А лучше было-бы соединиться с отрядом генерала Фостикова и тогда, общими силами можно было-бы что либо предпринимать ». Генералу Фостикову пе-

риодически передавались все те сведения, которые капитан Вирченко сообщал полковнику Крыжановскому.

До сих пор не было сказано ни слова об отряде генерала Фостикова, где он был и как он организовывался?.. Основоподвижниками его следует назвать трех братьев, молодых волчат из дивизии генерала Шкуро, Смирновых: Вани, Гриши и Бориса. Во время Новороссийской катастрофы, защищая грузившихся на цароходы войск, отправляющихся в Крым, они не успели погрузиться и ушли в горы. После долгих и мучительных блужданий и перепитий, полуголые, безоружные они все же добрели до родного дома, так им хотелось повидать маму. На них донесли комиссару, жившему как раз в их доме в одной из станиц, неподалеку от Кисловодска. Арестованных, их вел конвой, состоявший из трех красноармейцев в Кисловодск для расстрела. Дорога шла через лес. Воспользовавшись удобным моментом братьям удалось обезоружить конвой и вооружиться самим. Через несколько дней к ним присоединились несколько казаков из прилегающих станиц. Встретив, однажды, в лесу красный разъезд, атаковав и разбив его, они захватили не только оружие, патроны и пулемет с запасом лент, но, так-же и оседланных коней.

Переходя от станицы к станице, от казаков они узнали, что в горах существует небольшой конный отряд под командой сотника Попереки, который лихими набегами захватывал станицы и « очищал » их главным образом от комиссаров, да и другим коммунистам от его набегов не здорови-

лось. За это большевики прозвали его « отрядом бело-бандитов ». При первом-же удобном случае, оба отряда соединились, образовав, таким образом, полусотню джигитов очень хорошо спаянных и готовых итти в огонь и в воду, а так как недовольство советским режимом среди казаков возростало все более и более то к ним стали примыкать все новые и новые казаки и горцы.

В каком то ауле Баталпашинского отдела (говорили даже в овчарне у пастухов) в верхней Тиберде скрывался сравнительно молодой генерал Фостиков. Храбрый генерал, при развале Добровольческой Армии был серьезно ранен и, после госпиталя выздоравливал у себя дома, в родной станице Баталпашинской. Поэтому он не успел эвакуироваться в Крым. При приближении большевиков он скрылся в горные аулы, где и жил среди местных горцев. Узнав о существовании отрядов неподалеку от его убежища, он решил связаться с Поперекой и — возглавить. До этого вокруг Фостикова уже собралось несколько казаков, и небольшая группа карачаевцев, но первые шаги этой группы никакого успеха не имели, а поэтому, когда Фостиков предложил сотнику Попереки вступить в его отряд, тот, в начале, неподалеку от ст. Баталпашинской отказался, но потом, после более серьезных переговоров — все-же согласился.

Немного погодя вблизи станиц Бекешевская и Боргустанская появился отряд терских казаков, примерно 60 человек под командой Атамана Пятигорского отдела, полковника Менякова. В районе же Баталпашинской, появился еще отряд

в 30 человек капитана Кравченко. Объединившись в одно целое, оба эти отряда, подойдя к ферме Николенко, где находился штаб ген. Фостикова, Меняков и Кравченко, примкнули к генералу. К этому времени под командой Фостикова значилось около 300 человек, и тут же был созван « Военный Совет Зеленых » постановивший : 1) единое командование (ген. Фостиков); 2) абсолютная дисциплина в рядах повстанцев; 3) смертная казнь за насилие и кражу; 4) смертная казнь за измену и дезертирство, особенно на поле брани. Ввиду того что в окружении генерала находились несколько депутатов Кубанской Рады, то это придавало еще больше важности в авторитете генерала, и все мелкие отряды поэтому присоединялись к нему. Отряд быстро увеличивался. В конце мая красное командование послало в этот район кавалерийскую бригаду товарища Балахонова, состоявшую почти исключительно из Донских Казаков. В течении нескольких дней бригада — буквально — растаяла. Эти « дизертиры » присоединились к повстанцам и тем самим увеличили его мощность. Успешные набеги на станицы доставляли отряду, не только продовольствие, но и боеприпасы. Так к началу августа Фостиков имел в своем распоряжении 3000-3500 бойцов с подразделением : 1-й, 2-й и 3-й Хоперский полки; 1-й, 2-й и 3-й Лабинский; 1-й Кубанский полк и около десятка орудий. Внезапные налеты с гор наводили такой страх на большевиков, что, по их рассчетам у Фостикова было в то время 12-15.000.

Самый крупный успех Фостиков имел в стани-

це Невыномысской, где ему удалось, лихой атакой узловой Ж. Д. станции захватить целый состав военных припасов, снаряжения, провианта, обмундирования и всего необходимого для того, чтобы экипировать и обмундировать всех своих людей. Возможно, что этот успех и вскружил голову генерала. Он окружил себя многочисленной свитой, поставил почетный караул у дома где он жил, ввел обязательное ношение погон, назвал свою армию « АРМИЕЙ СПАСЕНИЯ РОССИИ » и объявил мобилизацию. Первое время казаки и местные жители, ненавидевшие большевиков помогали, чем могли в деле их « освобождения ». Но, когда эта помощь стала обязательной, когда стали требовать, а за невыполнение приказов стали угрожать чуть-ли не поркой, (как и при Диникине), то доверие жителей несколько изменилось. Так, некоторые станицы, как Зеленчукская, Исправная и другие, прямо заявили : « Покажите сначала, что представляет собою ваша « Армия Спасения России », и на что она способна, кроме уничтожения комиссаров, тогда мы дадим наших сыновей. Несмотря на то, что все-же в некоторых станицах мобилизация прошла довольно успешно, престиж Фостикова заметно падал в глазах обывателя.

Совершенно противоположное замечалось у Крыжановкого, который становился все более и блее популярен во всем Майкопском отделе. К нему примыкали добровольно все новые и новые крупные и мелкие группы повстанцев. Из наиболее крупных и важных, возьмем отряды Иванова и полковника Чаленко действовавших

между Майкопом и Екатеринодаром. В начале июля первый занимал район у станиц Пашковская и Усть-Лабинская, а второй — станицы : Ханская, Темигоревская, Белореченская и Бжедуховская. Соединившись вместе, они послали человека к Крыжановскому для того, чтобы влиться в его корпус. Крыжановский охотно согласился с условием, что они останутся в их районах... А, так как у них нехватало офицеров, то им было отправлено 7 офицеров. Таким образом в этом районе были организованы — 5-й и 7-й пластунские батальоны под командой полковника Чаленко, есаул — же Иванов командовал 13-м и 21-м пластунскими батальонами. Кроме того полковник Фартуков так-же был оставлен в своем районе между Майкопом и хребтом в сторону Туапсе где он принял командование 3-м линейным полком а есаул Курош получил командование 14-м пластунским батальоном. Само собою разумеется, что главные силы корпуса Крыжановского были сосредоточены в районе занятых им станиц, т. е. весь юго-восток Майкопского отдела. Вся территория — от станицы Курджипской до Кужерской и Ярославской, и от Тульской, до Псебайской всецело была под контролем корпуса, тогда как Фостиков занимал горные станицы Баталпашинского отдела.

Несмотря на то, что Крыжановский действовал совершенно самостоятельно, он все же продолжал регулярно передавать Фостикову все сведения получаемые им от капитана Вирченко. В конце июля из Майкопа передают, что на Таманском поуострове высаживаются казаки, присланные

генералом Врангелем из Крыма, что в связи с этим у большевиков в этом районе разстройство — граничащая с паникой и, что туда требуют присылку больших подкреплений. Находя, что подходящий момент наконец пришел для того, что бы начинать широкие действия совместно с Фостиковым, Крыжановский, не теряя ни минуты посылает гонцов в штаб генерала, чтобы сообщить ему радостную весть с просьбой немедленно-же устроить всеобщее совещание для обсуждения создавшегося удобного положения. Генерал Фостиков назначил свидание на следующий же день в ауле Ходзь, Майкопского отдела, почти на границе с Лабинским отделом (2 августа).

Крыжановский прибыл, с группой офицеров в аул в назначенное время. Фостиков — то-же не заставил себя ждать. Его штаб — в полном комплекте, так-же как и офицеры, все в блестящей форме и при погонах, строй — безупречный. Прямо — как на параде. Контраст по сравнению с группой офицеров Крыжановского — поразительный, одежда на коих потрепанная, изношенная, кто в гимнастерке, кто в черкеске или в бешмете, некоторые даже были в каком либо потрепанном пальтишке. Как раз — старенький, потрепанный, да к тому же еще и полосатый кафтан самого полковника Крыжановского, сильно покоробил Фостикова, поэтому он смотрел на него свысока и, небрежно.

Не теряя даром времени на пустые разговоры, Полковник сразу-же принялся за чтение своего плана действий, для использования создавшегося, исключительно удобного положения для связи с

дессантом. Этот план был выработан им в сотрудничестве с офицерами, бывшими в станице Царской накануне. Вот приблизительно его содержание: « Объединившись в одно целое и, оставив лишь прикрытие из местных казаков в занятых в этом районе станицах, пустить большую часть пехоты, — примерно — 20.000 чел. по предгорьям между Майкопом и главным хребтом, даже не тревожа самого Майкопа, который — пока — останется несколько в стороне. Конницу-же 5.000 сабель направить с гор прямо на Екатеринодар, постараться его взять, предварительно прервав железнодорожные пути при помощи 2-х отрядов находящихся неподалеку от Екатеринодара и бывших в распоряжении Крыжановского. В случае же неудачи, переплыть Кубань и отойти в горы под прикрытие пехоты. Выступать нам нужно немедленно-же. Нельзя упускать драгоценное время для соединения с дессантом, у которого, наверняка, имеется не мало оружия и патронов ».

Выслушав речь Крыжановского Фостиков этот план отклонил, ссылаясь на то, что — мол, « Казаки не пойдут далеко от своих станиц, а пускай сами Таманцы займут Екатеринодар а « Я » им поднесу все горы, от Майкопа, до самых Минеральных Вод свободными ». Эти слова генерала произвели удручающее и очень тяжелое впечатление на всех присутствующих офицеров и, под конец этого собрания конники обоих отрядов умоляли его со слезами на глазах: « Прикажите. Бросьте нас из под Майкопа на Екатеринодар, мы сами перережем железнодорожные пути вокруг

и, если даже не сумеем взять Екатеринодар, то, во всяком случае наделаем много неприятностей красным. Крыжановский несколько раз пытался доказать абсурдность такого сумасшедшего проэкта. Зарываться вглубь, в тыл неприятеля, спиной к морю, спиной к дессанту, и это без собственного тыла, без запасов провианта; а главное, при более чем минимальном количестве патронов и снарядов, разсчитывая на одни лишь шашки?.. — Да ведь это же чистое безумие». Сказал он в заключение. Фостиков категорически отказался продолжать разговор на эту тему. На этом Военный Совет в ауле Ходзь и закончился не придя ни к какому бы то ни было результату.

Вполне понятно, что здравый смысл умного и опытного полковника не позволил ему рисковать вверенными ему людьми и пускать их на предприятие зарание обреченное на поражение. Тем более, что таковых в его распоряжении было гораздо больше, чем у Фостикова. Территория, контролируемая им, так-же, была значительно пространнее горного района фостиковцев, поэтому, буквально и немедленно подчиниться требованиям генерала полковник не соглашался. Переговоры, переписка, а время не ждет.

Принимая во внимание популярность Крыжановского и доверие, которым он, и его партизаны пользовались в занятых ими станицах, благодаря тому, что как казаки, так и не казачее население станиц видели, чувствовали в них «своих». Свободно и гордо развевающийся над площадью станицы Царской Русской Национальный Флаг, на одной стороне которого красовалась надпись

« Власть Учредительному Собранию », а на другой — « Земля Народу », еще более укреплял это доверие, в противоположность Стану Фостикова где царил этикет, почетные караулы и все то, что напоминало абсолютизм и самодержавие. Вполне понятно, что подобная, показная роскошь начальства не всякому станичнику была по душе. Доверие к генералу падало, и это он сам чувствовал. Этим и объясняются слова Фостикова в ауле Ходзь : « Казаки далеко от своих станиц не пойдут ».

После неудачного Военного совета полемика между двумя военачальниками не находила выхода. Гонцы мотались каждый день от одного штаба до другого с особо важными поручениями. Фостиков продолжал настаивать на своем : из Корпуса Крыжановского составить « Кулак », и бросить этот ударный кулак на Лабинскую и на Армавир. В конце концов Крыжановский согласился составить ударный « кулак » при условии, бросить этот « кулак » на Майкоп и на Екатеринодар. После недельных переговоров Фостиков дал понять Крыжановскому, что в принципе он соглашается с доводами полковника, на что тот отвечает, что в принципе он согласен на единое командование при условии (повторяю) вести « кулак в сторону Екатеринодара, переговоры продолжаются, а время идет, его не остановишь.

Вирченко сообщает, что к Екатеринодару и к Тамани подходят большие подкрепления красных, а через два или три дня он сам появляется в станице Царской и сообщает, что ему и его людям оставаться в Майкопе становится опасно,

его двойная игра теперь легко может быть открыта, ввиду того, что Таманцы и дессант, под давлением подошедших из центра России войск, вооруженных до зубов начинают отходить и — вполне возможно, что им придется вскоре погрузиться и вернуться в Крым.

Узнав, что дессант отходит к морю и видя, что шансы нашего соединения с ним, бывшие так близко от нас, — шансы доставки нам из Крыма боеприпасов, которые были нам необходимы — как воздух — от нас ускользают, многие казаки и — даже офицеры — буквально — плакали, сознавая, как это все так глупо получилось и сожалея о том, что мы не пошли во время им на помощь. Конечно в то время мы не могли знать из каких войск состоял дессант.

В этот-же период времени к нам и заявился вестник, или — вернее — предвестник наших бед и несчастий. Однажды, дежуря у въезда в станицу Царскую, мы обратили внимание на старичка, медленно к нам приближавшегося. Вначале мы приняли — было — его за нищего, настолько был он оборван, слаб, весь в царапинах, видимо — голодный и больной. Подойдя к нам он вежливо попросил провести его в штаб полковника Крыжановского. Мы привели его к замещавшему коменданта войсковому старшине Савченко. Не успел он войти в комнату, как сразу же попросил разрешение присесть, настолько он был слаб. Собравшись с духом, после короткого отдыха он назвал себя — сказав, что он — генерал Муравьев, что он прислан генералом Врангелем из Крыма с особой миссией, для того, чтобы объ-

единить все, разбросанные по Кубани партизанские отряды в одно целое для борьбы с большевиками. Но прежде всего, прежде чем продолжать свой рассказ он попросил доктора, заявив, что он болен. Тут же ему был приготовлен горячий и крепкий чай. Срочно вызванный доктор преподнес ему к чаю порцию хины, после чего он заснул.

Проснувшись часа через два он рассказал свою историю: «До генерала Врангеля дошли слухи, что на Кубани происходят возстания и что в горах и лесах скрываются разрозненные отряды бело-зеленых партизан. Назывались имена Фостикова и Крыжановского, командующими наиболее крупными из них, но никаких подробностей не имелось. Поэтому мне, как Кубанскому генералу была предложена генералом Врангелем особая миссия. Пробраться на Кубань, высадившись в каком нибудь глухом месте кавказского побережья, между двух портов, принимая все меры предосторожности для того, чтобы советские шпионы не смогли пронюхать об этом и, переправившись через горный перевал, войти в контакт с повстанцами. Приготовлен был моторный баркас и, в условленный час ночи мы вышли в море. Со мною отправился небольшой отряд казаков. Погода была подходящая, но, через два дня подул ветер, поднялся шторм и наш баркас превратился в игрушку разбушевавшейся стихии. Мотор, залитый водою — стал, руль сломался, компас унесло водою. Прошла неделя, а земли не видно. Пресной воды не стало, и мы уже готовились к гибели, как на двенадцатый день, наконец, заме-

тили землю. С большими трудностями, гребя какими то досками все-же причалили к берегу. оказалось, что мы попали на Анатолийский берег. Турки нас забрали и — арестовали. Через несколько дней лишь мне одному удалось покинуть тюрьму.

После долгих блуканий по лесам и горам мне все же удалось добраться до района Гагры и Сочи и, в конце концов добрести до Царской. На вопрос в. ст. Савченко, что он знает о высадке на Тамани, и соответствует-ли это действительности?.. Он заявил, что на эту тему он ничего определенного не может сказать, но все же он будто бы слыхал, что в Крыму готовился дессант на черноморское побережье, на который возлагались большие надежды, но в какой точке кавказского побережья должна быть высадка — он не знает. Когда-же ему сообщили, что у нас имеются сведения о том, что дессант на самом деле был высажен и, что он направляется в сторону Екатеринодара, то генерал признался, что он об этом абсолютно ничего не знает. Знает лишь, что в районе Адлера было возстание и возможно, что оно принимает теперь большие размеры. Слышали так же, что там ожидали дессант около Сочи. В общем Черноморское побережье представляет собою место, очень подходящее для зеленых. Я сам лично учавствовал в последнем возстании в этих местах. Я командовал взятием Молдавки, Адлера и Хосты.

Дальше приведу слова самого Савченко: « Я доложил в штаб о прибытии « генерала от Врангеля ». В штабе имя Муравьева было не безиз-

вестно и пользовалось на Кубани довольно дурной славой. Так, во время мартовского отступления, доходило до того, что в него стреляли свои же кубанские казаки. По мнению Крыжановского, появление Муравьева среди зеленых, ничего доброго не принесет и, назвав его злым гениим, добавил: — если же он пожелает остаться в нашем корпусе, то одно лишь его имя оттолкнет от нас многих партизан, так как казаки еще хорошо помнят весенние схватки с Муравьевым».

Вечером генерал Муравьев зашел к Крыжановскому. Их беседа продлилась до поздней ночи. Муравьев сообщил полковнику некоторые детали об уходе Деникина. А так-же о том, что сделал Врангель в смысле переорганизации Добровольческой Армии и его проэкты, касающиеся будущего. — Возстание, поднятое на Кубани предвещает много надежды и генерал Врангель считает это большым козырем для него. Между прочим я вижу, что возстание гораздо сильнее и обширнее того, что думают о нем в Крыму.

Во время этой беседы с Крыжановским Муравьев повторил, что он был послан Врагнлем для того, чтобы войти в контакт с повстанцами. После чего он добавил, что у него имеются специальные инструкции от Врангеля, но, что он их откроет лишь позже, после того, как повидает Фостикова и других командующих повстанческими отрядами. На следующий день он был препровожден в штаб «Армии Спасения (или Возрождения) России», — согласно его доброму пожеланию.

Генерал Фостиков, выслушав Муравьева на-

шел, что прибытие посланника как раз кстати, оно поможет ему осуществить свой старый, рухнувший было проэкт « Зеленой Диктатуры ». Ведь при посредстве генерала Муравьева Верховный Главнокомандующий Русской Армии в Крыму, дает ему, как старшему в чине на это свое благословение.

Как бы в подтверждение того, что говорили в стане Крыжановского о появлении среди них злого гения в лице Муравьева мы находим в малоизвестной среди эмиграции книге, написанной в Бордо, а, изданной почему-то в Эстонии, в 1938-м году под заглавием « Быль ». Вот, что пишет Борис Шуцкой в этой книге как бы под диктовку Мариновского Дим. Михайловича, (того самого моряка, который спас казну и драгоценности ген. Деникина перевезя их в последнюю минуту в средине марта 1920 года на ветхом катере из Новороссийска в Крым и, передав их собственноручно в руки самого генерала Врангеля.) Часть 2-я, страница 165. ...В это время Мариновский находился в нейтральной зоне вблизи от Грузино-Советской границы на Черноморском побережье во главе местного отряда зеленых, не признававших ни красных, ни белых. Лето 1920-го года. « Как раз в это время ко мне тайно проникли три старых кубанских казака. Они таинственно сообщили, что здесь, в нейтральной зоне собрался отряд казаков, человек сто под командой полковника Лопаты, и что завтра утром они атакуют мост через реку Псоу, соединяющий нейтральную зону с большевицкой стороной. С согласия полковника они просят меня принять

начальство над отрядом. Предложенная операция была так безсмысленна, что в первую минуту я просто не знал, что сказать. « Вот что, братцы, — говорю я наконец. — Передайте вашему полковнику, что он — или дурак, или — сумасшедший если ведет вас на такое дело. Поняли ?.. Вот и все, что я могу вам сказать ». Казаки мнутся, вздыхают и, наконец — уходят.

Под утро Лопата все же атаковал этот мост. Красные встретили его пулеметным огнем. Один из казаков остался на мосту с перебитыми ногами и был захвачен большевиками. Остальные — разбежались. Я так и не знаю, что это было... безумие, глупость или сознательная провокация ? Кто такой этот полковник Лопата ?.. Я до сих пор не знаю. Я никогда его не встречал и не видел... (Страницы 188 и 189)... Затем оказалось, что идотское выступление Лопаты было произведено, будто-бы по требованию « особо-секретной миссии » генерала Муравьева, находящейся в Гаграх. Как сам Муравьев, тайный агент Врангеля на побережье, так и окружавшие его добровольцы, никакой секретности не соблюдали, жили очень широко, устраивали кутежи и попойки, и никакой особой деятельностью себя не проявляли, очень вероятно, что выступление Лопаты нужно было для этой миссии просто, как доказательство того, что она интенсивно работает среди населения. « Лихо дело начать », говорит пословица. Миссия решила воспользоваться и нашим налетом на Адлер и, как это утверждали в Гаграх, представила его, как результат « своей » работы. Насколько это верно — я не знаю, так как с

содержанием рапортов Муравьева я не знаком. В начале сентября на побережье произошло то, что Белая история называет возстанием генерала Фостикова и описывает его далеко не так, как оно происходило в действительности... »

Ниже, на странице 191-й читаю : ...произошло то, что в истории Белого движения носит название — попытки генерала Муравьева поднять возстание Сочинского округа, эта попытка на деле выразилась в том, что Муравьев в силу — не знаю каких соображений, решил пробраться к Фостиковцам. Не подымая никаких возстаний, а наоборот, избегая населенных пунктов, Муравьев, с несколькими людьми из своей « миссии » углубился в горы, попал на пастбища, был задержан грузинами-постухами и выдан ими грузинским властям. Последними он был отпущен на свободу и, как говорили мне казаки — фостиковцы, все таки добрался, совершенно больной и оборванный »... Цитирую из книги Шуцкого — Мариновского лишь выдержки, нужные для того, чтобы пояснить что все то, что доказывает Муравьев есть — сплошная выдумка. Его « миссия » — ничто иное, как глупая фантазия. Шторм, Анатолийский берег, турецкая тюрьма, бегство из тюрьмы, все это можно смело причислить к той же фантазии, а участие в, якобы, командованием взятием Молдавки, Адлера и Хосты, это, простите, нельзя назвать иначе, — как наглейшая ложь. Очень даже возможно, что причина того, что он — впоследствии ни в Адлер, ни — вообще на Черноморское побережье не показывался. Но не будем забегать слишком далеко вперед.

Прежде чем возвращаться к изложению интересующих нас событий, разрешите сказать несколько слов о причине, побудившей меня описывать, проливать свет на старые, давно прошедшие события. Мои друзья и соратники описываемых событий, к великому сожалению давно уже ушедшие в лучший мир, — Владимир Конст-ч Черный, и Петр Мерк-ч Гладков жили постоянно в Париже и в свое время интересовались жизнью казаков в эмиграции, и вообще казачьими вопросами гораздо больше меня, жившего большей частью в провинции или же в Северной Африке, давно уже обратили внимание на отсутствие информаций в Русской прессе касающихся этого эпизода борьбы с коммунизмом и в свое время давали мне знать об их сомнениях и циркулирующих в Париже слухах о запрете, якобы « извращения » официальной версии « Фостиковского возстания ». И на самом деле, ни в одном эмигрантском журнале я не нашел ни малейших следов о том, что происходило вокруг Майкопа летом 1920-го года. Никто не посмел, не решился написать, или же не имел для этого возможности по той или другой причине. Единственный труд, достойный внимания был написан донским офицером, бывшем при штабе корпуса в станице Царской, — Войсковым Старшиной Савченко. Но почему, по какой причине эта книга не была выпущена как оригинал, на русском языке, понятном для всех русских эмигрантов, а была переведена на французский Владимиром Лазаревским, с его же предисловием под заглавием « Лез Енсюрже дю Кубан » (Кубанские Повстанцы) и

было выпущено Парижским издательством « Пайот » в 1929-м г. Много ли русских эмигрантов тех времен знали достаточно хорошо французский язык, для того, что бы читать книги, написанные по французски ?.. Французов же в то время наша история вряд-ли могла интересовать.

Принимая во внимание все эти факты и, узнав из достоверных источников что книга вышеупомянутого Савченко была изьята изо всех книжных магазинов во Франции сразу-же после Либерации в сороковых годах и ее теперь не найти, я пришел к заключению, что для будущих поколений необходимо, чтобы история нашей борьбы с коммунизмом была-бы пополнена недостающими в ней страницами. Этот пробел, как и другие не могли не сыграть в свое время нужную для большевиков роль для того, чтобы им удалось доказать Западу, который поверил им, о приемлемости их режима русским народом.

Мариновский был прав, как сказано выше, что... « Белая история это называет возстанием генерала Фостикова. Но описывает его далеко не так, как оно происходило в действительности ».

Основываясь на инструкциях привезенных Муравьевым от Врангеля ген. Фостиков нашел выход из тяжелого положения касающегося его проэкта, немедленно-же издав приказ по всей « Армии Спасения России » он заявил : « Именем генерала Врангеля, Главнокомандующего Российской Армией, я, как имеющий наивысший чин принимаю командование всеми силами зеленых на Кубани ». Узнав о том, что скрывал от него Муравьев, Крыжановский не счел возможным

не повиноваться приказам генерала Врангеля. Муравьеву было поручено командование 1-ым Кубанским Корпусом Кавалерии (бывшим Корпусом Крыжановского).

Со сжатым сердцем и с горечью на душе, полковник Крыжановский снял со своего поста командовавшего его корпусом полковника Склярова, храброго партизана, сумевшего спаять любовь, доверие и уважение своих кавалерийских полков. Но ничего не поделаешь, приказ есть — приказ. Муравьев получив от Фостикова новенькое обмундирование, прицепил к нему генеральские погоны и все, что подобает его чину и званию, в блестящей форме снова прибыл в станицу Царскую. Но на этот раз он прибыл не как проситель, нуждающийся в помощи, а как раз наоборот, с гордо поднятой головой, как повелитель. Он приехал забирать, т. е. принимать под свое командование « вверенный ему » корпус кавалерии (бывший — Крыжановского).

Полковник Крыжановский получает приказ от Верховного Главнокомандующего Армии Спасения и Возрождения России такого содержания : « Продвигайтесь в сторону Майкопа для того, чтобы отвлечь внимание красных, а я атакую Лабинскую », утром 24-го Августа.

Фостиков решил атаковать Лабинскую с юго-запада бросив туда всю пехоту и пластунов обеих Армий объединенных в один мощный « КУЛАК ». В то-же время кавалерия должна была пробиться до станицы Курганной, взорвать там железнодорожный мост через Лабу, после чего броситься на Лабинскую и, вместе с пехотой занять станицу.

По предварительному плану кавалерия Муравьева, после разгрома красных под Лабинской, должна была пуститься в сторону Майкопа с целью атаковать его с северо-востока ,тогда как Крыжановский подойдет к городу с юга. Сам-же Фостиков со своей кавалерией, в состав которой входило не мало туземцев-горцев, после взятия Лабинской, немедленно должен был броситься на Армавир.

Вся кавалерия перешла под командование Фостикова. Кроме того, почти вся пехота понадобилась ему для усиления его знаменитого « кулака ». Таким образом в распоряжении Крыжановского осталось всего навсего 300 человек, разсеянных по фронту в 20 или 30 верст. Фостиков разсчитывал, что, несмотря на это, Крыжановский имел достаточно сил, чтобы привлечь в свою сторону силы красных, тем более мол, что в Царскую должны прибыть обещанные Фостиковым две трехдюймовки, ожидаемые Мыльниковым, « как манну небесную ».

Лично мне в эти дни еще не были известны все эти тонкие детали приказа Фостикова, ни все эти приготовления по той причине, что мне и Беляевскому была поручена доставка подрывного материала на фронт с тем, чтобы по исполнении этой миссии, вручив груз капитану Щербаку, с которым были так-же Гладков и Данилов и с тем же возницей возвратиться обратно в Штаб. Таким образом на следующий день в полдень, возвращаясь из станицы Губской мы приближались к Царской. Еще за версту от станицы мы, к нашему удивлению заметили, идущего нам навстречу

есаула Мыльникова. « Слава Богу — вы вернулись !.. Я так безпокоился, когда узнал что вы посланы с миссией на фронт. Вчера к нам прибыли обещанные орудия, но так как артиллеристов к ним не прислали, то я зачислил вас ко мне в артиллерию. — Да позвольте-же ?.. — запротестовали мы, — какие могут быть из нас артиллеристы ?.. — Так как у меня никого другого нет, на кого мог бы я разсчитывать и положиться, кроме вас, то я уверен, что вы прекрасно поймете и исполните все то, что от вас потребуется ». Доходим до другой окраины станицы. На самом деле, в небольшой котловинке стоят две трехдюймовки, у которых деловито снуют несколько молодых людей, среди которых узнаю В. Фуфаева и, нашего рисовальщика Миронова, это был Армавирский гимназист, очень симпатичный, он не пропускал ни одного случая чтобы не зарисовать в своем альбоме (с которым он никогда не разставался) красивый пейзажик, интересную группу сидящих у костра, или, даже, общий вид нашего бивуака со строющимися шалашами в лесу. Курсы для будущих артиллеристов продолжались не долго.

Вскоре по три пары быков было запряжено в каждое орудие, так как ни упряжек, ни лошадей при орудиях не было, их привезли в Царскую на быках. Выехали мы лесом для того, во первых, чтобы ознакомить нас более основательно обращению с орудиями, а главное чтобы подсушить снаряды, так как при поспешном отступлении Добровольческой Армии они были спрятаны в речке, и — быть может поподмокли.

Для этого, на большой полянке, где мы остановились в нескольких верстах от станицы Царской, — Мыльников заставил нас расположиться в круг, подальше от орудий и быков и на разстоянии — не меньше 10-ти .15-ти шагов, друг от друга (на всякий несчасный случай) прежде, чем отвинчивать головки шрапнелей и просушивать на солнце их пороховую мякоть.

Не успел он расположить нас всех, и дать соответствующие распоряжения, как к Мыльникову подлетает всадник и просит его явиться в штаб немедленно. Оба они поскакали в Царскую. Таким образом у нас оказалось достаточно времени для просушки снарядов, тем более что день выдался солнечный, и даже довольно жаркий, несмотря на лесную прохладу. Приблизительно через час примчался Мыльников и, сразу-же приказал возницам запрягать, пока мы все завинчивали и укладывали снаряды в ящики. Тут-же, не заезжая в Царскую, двигаемся в путь.

Дело в том, что большевики, тем временем, получили большие подкрепления и, перейдя в наступление заняли станицу Тульскую. Без артиллерии наша слабая защита ничего не может сделать против красных, вооруженных до зубов. На, примерно, полпути не доезжая до Тульской, навстречу нам скачет всадник и докладывает Мыльникову, что в станицу уже въехала большевицкая батарея. « Скорей !.. Скорей !.. » Возницы пытаются подгонять быков, но эта скотина, —

сколько ее не подгоняй, все равно — что с козла молока (как говорят) — большей скорости от них не получишь. Дорога идет лесом, уже по косогору. Приближаемся к станице. Оттуда мчится всадник и докладывает, что большевики устанавливают свою батарею на церковной площади. Почти в тот же момент раздается первый орудийный выстрел.

Мыльников выбирает на косогоре место, откуда видно лишь крест и часть крыши колокольни станичной церкви и, приказывает здесь же устанавливать орудия. Пока приготовляли и устанавливали первое орудие красные успели выпустить еще два, или три снаряда по нашей позиции, это все, что они смогли сделать. Ввиду того, что в компрессоре откатника почти не было масла, боясь, чтобы орудие не сорвало с полозьев Мыльников взял у возницы длинные возжи, привязал один конец их к кольцу детонатора, а другой конец дал в руки Фуфаеву, попросив его отойти немного в сторону и подождать его приказа прежде, чем дернуть за возжу, а сам принялся за наводку, беря направление по телу орудия, « прямо на глазок », так как никаких прицельных приспособлений, ни панорамы при орудии не было. Раздался оглушительный выстрел. Все обошлось благополучно. Снаряд пошел по нужному направлению. Поправив наводку, Мыльников выпустил еще в полдюжины шрапнелей, таким беглым огнем что мы еле успевали подавать снаряды. Впечатление получилось такое, что можно было подумать, что тут была целая батарея. Прислушиваемся. Орудийных выстрелов

больше не слышно. Неприятельская батарея замолкла. Спускаемся ниже, ближе к станице. Навстречу подходит к Мыльникову старый, седобородый казак: « Молодец !.. Сынок !.. Прямо в точку всадил, их батарея удирает, батарейцы, едва ноги уносят — и, показывая вниз, на долину: — Глядить ка !.. Вот бы по ним бып, да шрапнелькой !.. » А Мыльников, — небрежно вскидывая бинокль в ту сторону: « Пущай сами драпают. А нам снаряды надо беречь они нам могут еще пригодиться ». Простым глазом сверху нам видны были лишь маленькие точки движущиеся в сторону Майкопа. Вдруг из под горы со стороны станицы выскакивают с полсотни всадников, голые шашки поблескивают на солнце, это — наши джигиты пустились им в погоню.

Но ! ?.. что случилось ? Наши джигиты поворачиваются, и мчатся обратно к станице. В чем же дело ?.. Мы продолжаем спускаться к станице. Навстречу нам подлетает джигит: « Господин есаул !.. Вот на той Желтой Круче сидять пулеметчики и не дают нам проходу. Может вам удастся заставить их замолчать ? !.. » Не теряя ни минуты Мыльников устанавливает первое орудие по направлению выделяющейся на зеленом фоне желтой точки, подкручивает-наводит. Две шрапнели как будто достигли своей цели, так как пулеметы больше наших не безпокоили. Подъезжаем к станице. Навстречу — Крыжановский. Издали видим как Мыльников подъезжает к нему с рапортом, тот горячо жмет ему руку и, обменявшись несколькими фразами, пускаются друг другу в объятия. Въезжаем в станицу. По

другой дороге, со стороны Царской спускается наша пехота, вперемежку с подводами и тачанками, на которых видны по несколько пулеметов. Большинство из них — Максима. Эта картина подбадривает нашего брата, особенно молодежь.

Слышны разговоры ! « Ну !.. Теперь наша берет ! ?.. Завтра, — наверняка будем в Майкопе. — Видал ?.. Сколько пулеметов ? !.. Да еще и два орудия, это тебе не фунт изюму !.. Так, весело перебрасываясь друг с другом подбодряющими тирадами дошли мы до площади. На ней остались еще кучи сена и соломы, как видно приготовленные для батарейских лошадей красных. Само собой разумеется — мы расположились на том самом месте, где час или два тому назад стояла неприятельская батарея. Мыльников, Крыжановский, да и другие офицеры, направились в сторону станичного управления а мы, как только стало вечереть начали уже примащиваться на соломе на ночлег. Еще не совсем стемнело, как Мыльников, выйдя из станичного управления приблизился к нам и, каждому из нас почти на ухо приказал не спать всем сразу, а — третий человек должен дежурить. Кто-то пытался возразить : « А чего нам бояться, мы сильны, у нас теперь и орудия есть и пулеметы ». « Да !... конечно есть, но к ним у нас нет ни одной ленты. Так-что, — будьте на чеку ». С этими словами он удалился в том же направлении откуда и пришел. Вот тебе и раз ! ?... это называется — успокоил ».

Мне кажется что ни одному из нас так и не удалось заснуть. На этот раз не только третий

человек, но — и все без исключения были дежурными. Ночь выдалась темная, безлунная. Тишина немая. Слышно лишь быков, как они пожевывают сено, да кто нибудь шепотом перекинется со своим соседом. Примерно в полночь появляется Мыльников, и шопотом приказывает возницам запрягать, а нам всем объясняет, чтобы разбудили всех, если кто-либо спит, так как мы срочно выступаем, — а главное — не шуметь.

Выехали на дорогу. Куда ?.. Темень такая, что ничего не поймешь. Знаем только, что Тульская, да и Майкоп остались позади. Дорогой Мыльников, усевшись со мною на передке орудия объяснил мне в чем дело. Оказывается, что благодаря поспешности, с которой красные покинули станицу, телефонное сообщение осталось соединенным с центром, то есть с Майкопом. Благодаря этому Богом данному случаю, нашим телефонистам удалось перехватить очень важные для нас сведения, не только о том, что красные, получив очень большие подкрепления идут в контратаку, с целью совершенно уничтожить нас, зеленых повстанцев, но и детали нашего окружения.

Вот как описывает войск. старш. Савченко эти детали в своей книге : ...Наши части, переправившись через реку, заняли новые позиции.

Крыжановский прискакал в Тульскую в надежде получить от Фостикова кое какие сведения, связавшись с ним по телефону.

Однако, телефон был включен и — вскоре слышим в аппарате : « Товарищ комендант... — Штаб 34-й дивизии... попросите начальника штаба... Говорит комиссар 101-й бригады ».

Мы отчетливо слышим его разговор с Майкопом, и таким образом мы узнаем что против нас брошена 101-я советская пехотная бригада, и полк кавалерии. Бригада получила приказ занять станицу Абадзехскую до наступления ночи. Один из полков этой бригады должен обойти Абадзехскую и перерезать дорогу на Севастопольскую. Третьему полку было задано занять стан. Даховскую, которая находилась у нас в тылу. Кавалерия-же была направлена на Монастырь (Михайловская Пустынь), неподалеку от Царской для того, чтобы преградить нам последний путь к, могущему быть нашему отступлению. Одним словом, для нас готовилась такая ловушка, из которой выбраться живым не было-бы никакой возможности. Если бы нам не представилось этого Богом данного случая подслушать такой важный и ультра-секретный приказ, мы оказались бы окруженными со всех сторон раньше утренней зари, и чем больше настаивали бы мы защищать Тульскую и Абадзехскую, тем круче завязывался бы на нас узел и, тем легче было-бы красным нас уничтожить.

Я (Савченко) записал детально этот разговор в моем дневнике.

Крыжановский приказал, не теряя ни минуты отступить в сторону станицы Царской и, одновременно отправил Фостикову рапорт о серьезности нашего положения и о том, что он будет вынужден отступить по крайней мере за Монастырь. Мы собирались уже покидать Абадзехскую, как туда прибыло около полусотни всадников при шести пулеметах. У каждого всадника было всего

навсего по два или три патрона, а для пулеметов не было прислано ни одной ленты. С такими подкреплениями можно было разсчитывать только на одни шашки. Относительно же общего положения, об его успехах на Лабинском фронте — ни слова. Крыжановский не знал, как успокаивать жителей станицы, которые, догадавшись о нашем критическом положении засыпали его вопросами : « Правда ли то, да — правда ли это господин полковник ?.. » Волей-неволей пришлось признаться : — Да ! это правда, силы у нас неравные для того, чтобы мы могли успешно сопротивляться, так что вполне возможно, что большевики будут здесь к вечеру.

« Да не может быть. Тогда мы — пропали. Они нас всех поперевешают за то, что мы Вам помогали ». Успокаивать их, у Крыжановского не было уже ни силы, ни возможности, пришлось пояснить старикам, что мы не сможем удержаться против натиска трех армий, брошенных для подавления возстания на Кубани. На самом деле 6-я, 9-я и 10-я красные армии прибыли для этой цели и, это несмотря на то, что в то время еще существовал польский фронт, да и крымский фронт, то-же нельзя было оголять. (В этот самый момент поляки заключили перемирие с большевиками).

По всему было видно, и Крыжановский это великолепно понимал, что все возрастающее возстание начинает представлять для большевиков серьезную угрозу. Поэтому, когда дессант, посланный ген. Врангелем высадился на Таманском полуострове, то есть вдали от главных центров

повстанческих сил, после первоначального замешательства большевики спохватились, и учтя создавшееся положение, для того, чтобы ни Крыжановский, ни Фостиков не смогли бы соединиться с дессантом, и получить недостающие им обоим боеприпасы, будучи — вероятно осведомлены о разногласии и неладах в стане повстанцев, решили ликвидировать их в отдельности, каждого по очереди. В первую очередь конечно — прервать связь с Крымом. Поэтому, первые подкрепления, прибывшие на Северный Кавказ были брошены на Тамань. Отогнав дессант с его запасами боеприпасов обратно в Крым, те же войска, совместно со вновь прибывающими полками снабженными наимодернейшим оружием были брошены в сторону Майкопа, Армавира и, конечно — Лабинской. Вот в этот самый момент Фостиков, совместно с Муравьевым, упустив — на целый месяц подходящий случай, решил бросить все объединенные силы Обеих Армий прямо в волчью пасть большевиков, уже успевших получить подкрепления и вооружиться до зубов. С такими мрачными мыслями в голове полковнику пришлось уговаривать казаков : « Ничего не поделаешь — братцы. Мы вынуждены будем отступить в горы, собраться с силами и, если на то будет его — Божья воля, повернем обратно и с новыми силами освободим Кубань от красных ».

Весть о нашем отступлении распространилась с молниеносной быстротой по всей станице. Каждый казак тут-же обмозговывает, соображает, — чем же это может кончиться ?.. Ясно. Пойдут допросы, доносы, массовые аресты опять пойдут

реквизиции и, конечно разстрелы. Тут и там появляются мажары у ворот, которые тут-же нагружаются всевозможнейшим скарбом. Наскоро собранная и завязанная в узлы домашняя утварь : одежда, постельные принадлежности, куры, гуси, утки с перевязанными лапками, все, что попадалось под руку и что могло пригодиться в дороге, все это наваливалось на мажары и, тут-же, сопровождаемые всей семьей, от мала до велика, с коровами и козами, привязанными позади мажар, все это двигалось в путь покидая родной дом, родную хату не зная и не ведая, удастся ли им вернуться, увидеть, хотя бы одним глазком покидаемый родимый угол. Безконечной лентой движутся беженцы по дороге на Севастопольскую, где в свою очередь, казаки, узнав от проезжающих в чем делом, нагружают свои мажары, забирают с собой все, что могут погрузить и, тоже пускаются в путь, и все это направляется в горы, по направлению на Монастырь, на Даховскую. Но среди казаков были и такие случае, когда начав уже нагружать свою мажару и, видя, что всего то им погрузить не удасться, а то, что останется все равно пропадет, они принимались разгружать уже нагруженную мажару, утешая себя тем, что : « Коли уж пришел конец, так погибать у себя дома, под своей крышей, а там — на то Божья Воля ».

Из станицы Царской подполковник Миронов начальник штаба доносит полковнику Крыжановскому, что по непроверенным слухам генерал Фостиков потерпел поражение в своей операции и спешно отступает на юг, под прикрытием (с

востока) реки Лабы, которую противник, преследуя Фостикова уже несколько раз пытался перейти. Получив эти новости, Крыжановский решил, что его опасения подтверждаются, что другого выхода нет, как отступление на юг — в горы. Но главная задача — это предохранить отступающих и, в первую очередь — беженцев, со своей утварью, женщинами и детьми от все больше напирающих полчищ красных. От самого же Фостикова нет никаких известий, никакого приказа ни отказа. Если слухи о поражении « Армии Спасения России » правильны, (в чем Крыжановский уже не сомневался) то значит с нашего левого фланга могут появиться большевики, а поэтому следует позаботиться и о его защите, — но чем ?..

Не буду вдаваться в детали этой защиты, а ведь она была необходима, для того, чтобы, хотя немного задержать, замедлить движение большевицких орд, получивших точное задание перерезать нам, а так-же и фостиковцам путь, единственный путь — в горы. Почти безоружные, (почти без патронов) наши всадники, не щадя себя, (ведь все равно погибать) самоотверженно, лихими набегами, и заездами немного сдерживали напор нападавших, работая лишь одними шашками. Штаб ждет приказа от Фостикова, а от него — ни слуху, ни духу, положение становится более чем тревожное. С часу на час ждем нашего окружения и, уничтожения.

Наконец 26-го августа получаем таки от Фостикова долгожданный приказ. Не упоминая ни словом о том, что происходит в его стане, он

приказывает послать немеденно ариергарды корпуса на станицу Даховскую, куда двигается уже его штаб, госпиталя и обозы. О том же, что происходит в его стане?.. Где находятся его войска, где его знаменитый « кулак ». Где — Кавалерия Муравьева?.. Наконец, где находится сам главнокомандующий об этом — ни слова. Выходить, что у Фостикова не было выработано никакого плана. Он просто разсчитывал на его величество — случай, да на « Авось », которые его уже неоднократно выручали. Приказ Фостикова не указывал ничего, более — менее определенного. Раз он отправляет свой штаб в Даховскую и. предлагает нам сделать то же самое, отправить наш ариергард и обозы туда-же, это означает, что он не получил рапорт, посланный Крыжановским и, по всей вероятности ничего не знает и не представляет того, что происходит на нашем фронте. Взвесив все, имеющиеся в его распоряжении возможности, и не находя другого выхода из создавшегося положения, полковних Крыжановский решил отступать немедленно и двигаться в горы, направляясь на станицу Андрюковскую, куда, по его предположению должен отступать и весь отряд, или же остатки отряда генерала Фостикова и его « Кулака ».

Что-же касается нас « артиллеристов », ввиду того, что нормальных упряжек у нас не было, а на быках далеко и быстро не поедешь, то нам было приказано двигаться из Тульской прямо на Монастырь и Даховскую. Первая наша остановка была в Монастыре, куда мы прибыли часам к трем пополудни. Быкам дана была возможность

пощипать травки, пока нас, гостеприимные монахи немного подкормили чем Бог послал, прежде чем пускаться в дальнейший путь. Здесь Мыльников распорядился, для пущей предосторожности, чтобы замки с обоих орудий были сняты и отправлены вперед, так как дорога в Даховскую шла через дремучий лес.

С большим трудом пробирались мы по узкой, вьющейся зигзагами лесной дороге, зачастую цепляясь орудиями за кусты и деревья и этим еще больше замедляя ход. Многовековые дубы, своими развесистыми ветвями, нагруженными зреющими, крупными жолудями закрывали от нас небо, повиснув над дорогой так низко, что иногда, сидя на зарядном ящике орудия, можно было доставать руками как листья, так и жолуди. Густые заросли, сплошной стеной закрывали от нас все, что находилось вокруг нас. Впечатление получается такое, будто бы мы проходим сквозь длинный, зигзагообразный тунель. Несмотря на палящее солнце в этом тунеле — почти темно. не даром в сказках и песнях говорят и поют « о темном лесе ». Невольно приходит мысль об изобилии в таких лесах всевозможной дичи, особенно — диких свиней. Для них уж здесь есть чем полакомиться. Жолудей, их любимой пищи — сколько угодно. Они тут — прямо — как в раю.

Продолжаем наш путь, дорога, как будто становится более просторной. Деревья уже менее объемистые, местами даже виднеется яркое небо, да и заросли — не так густы. По всему видно, что мы приближаемся к станице.

Вдруг, лесная тишина и спокойствие нарушают-

ся густым пулеметным огнем. Горное эхо еще более усиливает трескотню пулеметов. Можно подумать, что их — несметное количество, что они совсем недалеко и строчат со всех сторон. Впереди и по бокам видны падающие сверху ветки. Жолуди — буквально осыпают нас. Наши возницы, да и не только они — в панике — бросаются в кусты, в глубину леса. Признаюсь, мой первый рефлекс, первое движение это — следовать-бы за другими, но тут — сообразил. Ведь на нас сыпятся не пули, а жолуди ; значит пулеметы взяли прицел слишком высоко и строчат по ветвям и жолудям, которые нас и бомбардируют. Я останавливаю Беляевского, еще не успевшего удалиться от меня, объясняю ему обстановку и говорю ему : « Ты — Ваня, как знаток — погоняй быков — а я продолжаю быть на тормазе ».

Дорога продолжает итти зигзагами, то поднимаясь, то спускаясь, а промеж пулеметных очередей, которые продолжали строчить уже позади нас все время слышались выкрики Беляевского : « Цоб » да « Цабэ ». Выехав из леса и уже приближаясь к станице мы заметили, что вторая пушка следует за нами. Поручик Мацнев погоняет быков, а есаул Мыльников притормаживает. Навстречу нам выходят из станицы наши, Фуфаев и гимназист Миронов, в руках у них по затвору от каждого орудия. Тут же у дороги устанавливаем оба орудия. Мыльников наводит в ту сторону, где, по его мнению находится засада и, не теряя зря времени — открываем ураганный огонь из двух орудий. Не знаю, достигли-ли

снаряды своей цели, или-же эффект был исключительно моральный, но пулеметы сразу же замолкли и больше нас не тревожили. К тому-же солнце уже приближалось к горизонту.

Дождавшись темноты и переправившись вместе с орудиями вброд через приток реки Белой (названия не помню) мы направились на Сахрай. Подъем крутой и очень трудный, особенно ночью. Но это было необходимо, ввиду того что станица Даховская находится в котловине, а для артиллерии это не совсем подходит. Необходимо было занять позицию на какой то высоте в ожидании наших, т. е. штаба Крыжановского и его людей, которые, по предположению Мыльникова должны были следовать за нами после эвакуации Царской. Заняв позицию у самого перевала, доминирующего Даховскую нам, наконец было разрешено спокойно заснуть. После трех безсонных ночей, и почти безпрерывного марша все мы, особенно молодежь, заснули сразу-же как убитые. Сколько времени я спал, я и до сих пор не знаю.

Теперь передаю слова Савченко : « Лишь только мы покинули Севастопольскую, как сразу же были атакованы красными, и сразу же завязался неравный бой. Наибольшим из наших бед было — недостаток патронов, но несмотря на это, казаки, не щадя своих жизней (все равно-ведь — погибать), работая лишь шашками, отбивали безпрерывные атаки красных. К полудню нам удалось отбросить красных и освободить дорогу на станицу Царскую, где уже происходила эвакуация. Еще не доезжая до Царской мы заметили

длинную вереницу мажар беженцев, направляющихся на Монастырь.

В Царской мы встретили начальника штаба подполковника Миронова. Он был занят эвакуацией госпиталя и раненых. На наши вопросы он смог лишь ответить, что от Фостикова не получено никаких приказов ни сведений о том, как закончилась его операция на Лабинскую. Наши дозоры сообщают, что красные уже приближаются к Царской. Мы покидаем Царскую и вскоре, прискакавший всадник доносит, что три эскадрона красных лавой движутся в сторону Монастыря. Во что бы то ни стало нам нужно прибыть первыми в Монастырь. Неподалеку оттуда слышна пулеметная стрельба. Перед заходом солнца подходим к Монастырю, наш «Кубанский полк» с трудом удерживает позицию, он уже отбил семь атак.

Вдруг мы слышим, что где-то со стороны Даховской идет бой. Мы отрезаны. У нас уже нет ни тыла, ни фланга. У нас не остается никаких шансов, что бы выскочить из такого положения. Находим лесную дорогу — тропу. Углубляемся в гущу леса. Нам нужно обмануть противника, в другом направлении, а сами углубляемся все дальше и дальше в чащу девственного леса. За нами следуют сотни мажар с беженцами. К нам подходят запоздавшие и те, кто отвлекал противника.

К несчастью, не всем удалось присоединиться к нам, так как у нас не было возможности предупредить всех о катастрофе. Так, например, батальон капитана Иванова находившийся в ра-

йоне станицы Ханской, наверняка был обречен. Он даже не мог знать о том, что случилось.

Темной ночью продвигаться с мажарами не было никакой возможности. Пришлось заночевать тут-же. Крыжановский приказал ни в каком случае не зажигать огней. Таким образом, растянувшийся на две версты караван провел ночь в абсолютной тишине. Наутро, чуть свет тронулись в дальнейший путь. Многие из беженцев свернув в сторону, для того, чтобы дать нам дорогу, решили остаться : « Хай убиваютъ ». Другие, думая, что красные в лесу их не найдут, а потом переждав они спокойно, или тайно смогут возвратиться домой. « Будь що будэ, а на то его Святая Божья Воля ».

С трудом пробираемся по узкой, лесной дороге. Зачастую приходится прокладывать себе путь вырубывая молодые деревца и кустарник мешавший проходу мажар. Не слышно больше стрельбы, ни дальней канонады. Эта мертвая тишина заставляет нас надеяться, что и Фостикову, с его главными силами удалось увильнуть от преследующего их противника и он тоже сидить где нибудь в глубине леса как и мы. Вторую ночь провели на большой поляне. Расположились двумя отдельными лагерями, один для беженцев, другой — для военыых. Вокруг нашего расположения были поставлены пикеты и дозоры. Крыжановский строго настрого запретил военным посещать беженский лагерь. Войска должны все время быть на чеку, быть готовыми на случай появления внезапной опасности. Сидим в лесу и не знаем, что с нами станет завтра. Удастся ли

нам выбраться отсюда и куда ?.. Всякий, « повесив нос » обдумывает по своему создавшееся положение, как мы дошли до этой « мышеловки ». С грустью на душе ждем распоряжения Крыжановского о дальнейшем движении вперед или назад.

Солнце уже поднялось довольно высоко, а мы все ждем возвращения посланных разведчиков. Лишь в 11 часов, узнав от прибывших гонцов кое-что, а главное, о местонахождении нашего интендантства, Крыжановский дал нам возможность продолжать наш дальнейший путь.

Что-же произошло за это время в стане Главнокомандующего « Армией Спасения России » Генерала Фостикова ?..

Вся пехота, собранная в один « Кулак » начала в назначенный час 24-го августа операцию против станицы Лабинской. На правом фланге, сам Фостиков со 2-м Хоперским полком и отрядом князя Крымчамхалова. На левом же фланге находилась вся кавалери, командуемая генералом Муравьевым.

Смелой и решительной атакой пластуны заняли Лабинскую, но не надолго. Через час красные получили крупные подкрепления пехотой и кавалерией, при содействии блиндированных автомобилей, снабженных крупными пулеметами, а так-же и многочисленной и мощной артиллерией и тот час же перешли в контратаку. Не предвидя появления блидированных автомобилей и ураганного артиллерийского огня, пластуны, не имея возможности оказать соответствующего сопротивления, вынуждены были отступить и, оставить

станицу. Преследуя по пятам пехоту, большевики в то же время нажимали и на фланги. Скоро в войсках Фостикова оказался недостаток патронов. Некоторые части, на безпрерывную стрельбу противника не смогли отвечать им ничем другим, как безпомощным гробовым молчанием.

К вечеру, красные уже, наступая на безпатронных фостиковцев, продвигались по всему фронту не встречая никакого сопротивления (как это было сказано выше и предвидено Крыжановским). В последующие дни три армии Красных : 9-я, 6-я, и 10-я буквально наводнили Зеленую Кубань.

Фостиков поспешно отступал. Так-же, как и у Крыжановского, сотни мажар со всевозможным скарбом, женщины, дети, зачастую подгоняя стада живности — следовали за ним. Вся эта орава направлялась в сторону станицы Засовской, поднимаясь по правому берегу реки Лабы.

25-го августа на заре Фостиков попытался атаковать красных в районе станицы Вознесенской, но ураганный огонь артиллерии и пулеметы блиндированных автомобилей заставили его отказаться и от этой безумной затеи. Это был его последний козырь. Пользуясь темнотою ночи Фостиков решил перейти Лабу вброд и отступить на станицу Мостовую, Майкопского отдела. Красные не переставали его преследовать. Тогда, предполагая, что у Крыжановского — этого — самим Богом, с давних пор хранимого полковника все благополучно. Он отправил обозы, штаб и т. д. в станицу Даховскую, решив и самому перекочевать туда. Направившись в его сторону, по

дороге ему донесли, что Крыжановский уже покинув Монастырь. Потеряв связь с Монастырем он изменил направление и повел свою пехоту в сторону станиц Псебайской и Андрюковской.

Муравьев в то же время отступал между двух вышеуказанных групп, имея Фостикова справа, а Крыжановского — слева. Таким образом три колонны Зеленых отступали параллельно друг другу, абсолютно не зная положения каждой из них и не ведая направления их соседей.

29-го августа, на третий день нашего лесного пелеринажа, наконец то мы нашли наше интендантство и смогли что нибудь покушать.

Для того, чтобы хорошо освоить, и понять причину « лесного зеленого пелеринажа » в районе Монастыря и станиц Даховской и Баговской, необходимо временно оставить рассказ Савченко. Вместе с Крыжановским и его штабом, вернуться несколько назад и повторить часть того, что уже было сказано.

Ввиду того, что полубатарея есаула Мыльникова после обстрела и занятия станицы Тульской, покинула ее с наступлением темноты она, благодаря ночному походу, прошла Монастырь в числе первых. Подходя к станице Даховской перед самим заходом солнца была обстреляна сильным пулеметным огнем авангарда красных, посланных для того, чтобы перерезать нам всем дорогу и, таким образом начать операцию окружения всех « зеленых банд ». Невзирая на этот обстрел, Мыльникову все же удалось вывести в сохранности оба орудия из под огня противника. Учтя создавшееся положение и, выйдя из зоны огня,

из под самой станицы Даховской он открыл ураганный огонь по нападавшим из обоих орудий дабы заставить замолкнуть пулеметы нападавших. Цель была достигнута. Пулеметы замолкли, но были ли они совершенно уничтожены, об этом лишь один Господь Бог мог знать, но не мы.

Когда Крыжановский, со своим Штабом, подходя к Монастырю услышал канонаду со стороны Даховской, он, так же как и бывшие с ним офицеры принял этот ураганный огонь, за огонь целой неприятельской батареи и поэтому решил, что станица Даховская занята большевиками и значит, путь их прерван. Действительно, стрельба получилась настолько густой, что ее вполне можно было принять за стрельбу из четырех орудий. Кроме того, ни сам Крыжановский, ни с ним сущие не смогли даже подумать, что быки, впряженные в орудия могли пройти в такой короткий срок разстояние от станицы Тульской, до самой Даховской. Это и была причина их « лесного пелеринажа ».

Станица Даховская находится в глубокой котловине, при слиянии реки Белой с каким то ея притоком. Поэтому Мыльникову необходимо было вывести орудия на довольно большую высоту и занять удобную позицию, доминирующую станицу в ожидании прихода туда Штаба и остатков Корпуса полковника Крыжановского. В этом тщетном ожидании наших, нам удалось и, хорошо выспаться, и спокойно отдохнуть, в то время, как Штаб и бывшие с ним войска и беженцы блукали где то в дремучем лесу. Но вернемся к рассказу Савченко :

« Снова пускаемся в путь как автоматы, с поникнувшей головою, чувствуя глубокое безразличие ко всему. Чувство нашего безсилия угнетало нас все больше и больше и обезкураживало людей до крайности, многие уже потеряли веру в кого бы то ни было, оставалось лишь одно — инстинкт самосохранения и, лишь этот инстинкт толкая в неизвестность всю эту толпу истасканную, обездоленную, не знающую, что с нею станет завтра. С такими мрачными мыслями, наконец достигли станицы Баговской. Это было 30-го августа. Станица со всех сторон окружена горами. Когда, подъезжая к ней, увидишь ее в первый раз, то она похожа на группу маленьких, игрушечных домиков.

Красных в станице не было. Рано утром через станицу прошла кавалерия Муравьева. Судя по рассказам жителей большевицкие патрули появились было в станице сразу же по проходе Муравьева. Зайдя в некоторые хаты на окраине станицы, они тотчас же удалились. Крыжановский приказал не шляться по станице и не заходить в дома, а расположиться на площади тремя группами : беженцы, обозы и строевые, раненых же поместили в школьных постройках. Приказ Крыжановского остался гласом вопиющего в пустыне. Очень немногие были склонны исполнять этот приказ, так как после пятидневного блукания по лесным дорогам, без пищи и, главное без уверенности в том, что выйдя — наконец, отсюда и подойдя к станице, не попадем в лапы большевикам люди, и не только беженцы, но и многие из самих зеленых повстанцев потеряли веру в

начальство. С большим трудом Крыжановскому удалось подобрать несколько человек для того, чтобы поставить пикеты и дозоры со всех сторон. Он уже не мог, как это было раньше, положиться на своих казаков, до сих пор бывших храбрыми и дисциплинированными.

Не долго пришлось нам пробыть в станице Баговской. Не успели отдохнуть и сделать перевязку нашим раненым как дозорные прибывшие галопом сообщают, что красные подходят к станице. Командиры частей с трудом собирают своих казаков для того, чтобы хоть немного задержать противника, дабы успеть эвакуировать станицу. Большевики — лавами подходят к станице уже с двух сторон. Высоты, у самой станицы уже ими заняты. У нас остается лишь один единственный путь еще свободным, это дорога на станицу Псебайскую по направлению в горы. По этой дороге длинной вереницей тянутся беженцы вперемежку с мажарами, скотом и нашим обозом.

Идет погрузка раненых. Телег не хватает. Пока разыскивали и запрягали лошадей или быков, среди раненых происходили душераздирающие сцены. Они умоляли не покидать их, не оставлять их на произвол судьбы. Полковник Миронов, начальник штаба, распоряжался погрузкой раненых до последнего момента. Он — и с ним сущие делали все, что могли. Но вот... У самой станицы, заглушая продолжавшуюся до этого перестрелку, раздается « У-р-раа » !!! Большевики, опрокинув нашу слабую защиту, входят в станицу. Последними мы (Савченко) вместе с последними казаками, защищавшими подходы к станице вышли

из Баговской, так и не успев закончить эвакуацию раненых, их осталось там около двух десятков.

В полнейшем безпорядке движемся по дороге на Псебайскую. Каждый старается обогнать других и не быть настигнутым нападающими красными. Начинает темнеть. Вечер. Продолжаем итти почти наощупь. Темень такая, что невозможно различить ни дорогу, ни того, кто идет рядом с тобою. Позади нас, где то далеко раздаются ружейные выстрелы, а потом и пулеметные очереди. Что это означает ?.. Красные хотят нас напугать... Или, уже расстреливают тех, кто не успел уйти, покинуть станицу. Вспоминаем бедных раненых которых нам поневоле пришлось оставить... на милость победителя. Не в них ли пускают — изверги — пулеметные очереди ? !..

Вдруг. Промеж телег, навстречу нам пробирается всадник. « Стой !.. Кто идет ? !.. » — « Да я, — знаете, — ехал в Баговскую, да — слышу стрельбу... » — « Да ты то, кто такой ?... из какой части ».. Красный, или зеленый ? !.. » « Я из Штаба генерала Муравьева ». Казак вручает Крыжановскому письмо такого содержания : « Старшему в станице Баговской. (Дата ошибочная) 4 часа 50 минут. Просьба указать мне ситуацию : Где находится неприятель ? Какие станицы он занимает ? и, как расположены его части ?.. Где находится наш Штаб ? наши госпиталя, наше интендантство и обозы нашей Армии ?.. Я нахожусь на даче Пуденкова, в 8 верстах от Баговской на юго-запад ». Подписано — генерал Муравьев.

Полковник Крыжановский письменно ответил, что он абсолютно не знает ничего об общем поло-

жении и ситуации, связь с ген. Фостиковым потеряна и, что он не получает никаких директив, ни приказов. К этому он добавил, что он направляется на Псебайскую, и советует г. Муравьеву сделать то-же самое. На следующее утро мы с ним встретились не доезжая до Псебайской. К нашему великому сюрпризу с ним был и генерал Фостиков.

Как видно, приняв во внимание, что все три отряда соединились вместе, он тут же, не дав отдохнуть утомленным и почти деморализованным частям, направил все наши силы, соединенные в один, скажем, « кулачок », на Псебайскую, занятую уже красными. Эта операция, так же как и предшествовавшие не имела успеха, если не сказать большего. Неприятельский аэроплан, кружась над нашими головами не мог не заметить плачевное состояние того, что гордо называлось « Армией Спасения и Возрождения России », и конечно, не замедлил передать это большевицкому командованию. Вскоре, атакованные с двух сторон безпатронники, будучи не в состоянии отвечать на безпрерывные очереди многочисленных пулеметов, не говоря уже об артиллерии,вынуждены были отступить, также же как и части находившиеся в районе станицы Андрюковской, по единственной дороге, ведущей на Черноречье. Появившийся снова красный аэроплан довольно низко над нашими головами ,сбросил еще несколько бомб и пачек прокламаций. Эти прокламации « обещали » амнистировать всех зеленых из простых казаков и предлагали им зачисление их в строй Красной Армии, но они требовали

выдачи генералов и прочих сволочей и золотопогонников. В прокламациях говорилось так-же: « Врангель — окончательно разбит и, уже не оказывает сопротивления, Польша заключила с нами мир и что, остается ликвидировать лишь « Хвостикова » но теперь и его песенка спета. Заканчивалась же прокламация словами: Казаки — труженники, сдавайтесь и ведите к нам ваших вождей и предателей ».

Псебайская оказалась последней нашей попыткой сопротивляться в пределах Кубани. В тот же день мы прошли ея границу и вышли в горы, населенные, если не считать горных козлов, туров и всякой горной дичи, одними лишь различными кавказскими туземцами: Абхазцами, Кабардинцами, Имеретинцами ютящимися в редких горных аулах и занимающимися главным образом разведением скота, пользуясь необъятными, богатыми и даровыми пастбищами. У кого, среди этих бедных племен найдем мы убежище?.. Прокормить целую голодную армию, конечно, ни одна из них не сможет, а поэтому, растянувшись на несколько верст длинной лентой, вперемежку с беженскими мажарами, продолжаем мы наш путь в неизвестность. Куда?.. Один Бог знает куда!..

Между Крыжановским и Фостиковым произошло « объяснение » перешедшее в крупный разговор между двумя полководцами. Дело в том, что седовласый полковник осмелился указать храброму, но сравнительно молодому генералу на его крупные ошибки в ведении его оперативных действий. Фостиков ответил на это отрешением его от командования своим корпусом, превратив,

таким образом Крыжановского в простого беженца. Все это произошло «в походе», не останавливаясь, так как ни им, ни нам не было выгодно укорачивать и без того не очень уж большое разстояние между нами и преследующими нас большевиками.

До сих пор я цитировал слова Савченко из его малоизвестной книги на французском языке: «Повстанцы на Кубани», но мне кажется, былобы не лишним описать его первоначальные приключения. Приведу об этом краткие выдержки из его книги в переводе с французского языка.

Войсковой старшина донской кавалерии Илья Савченко, сдавшись в плен к большевикам вместе со своими казаками попал в строй красной армии и командовал кавалерийским полком, под наблюдением политического комиссара Молоткова. В начале все, как будто шло хорошо, строевые занятия шли более-менее нормально до тех пор, пока комиссар не пронюхал о связи Савченко с зелеными. Узнав, вернее, догадавшись об этом командир полка решил бежать из Екатеринодара пока не поздно. Улучив удобный момент во время отсутствия комиссара он спокойно добрался до опушки леса по дороге на станицу Линейную, а в девственном лесу погнал коня своего во всю прыть. Старый казак к которому он обратился в станице принял было его за красного, но в конце концов все же после долгих переговоров вошел в доверие и представил его греку, на табачной плантации которого часто собирались повстанцы отряда Чичи-бабы и таким образом Савченко вошел в состав этого отряда зеленых. Через не-

сколько дней на ферму отца Чичи-Бабы появились человек 30 всадников. Это были верные люди Савченко. Узнав о том, что их командир исчез и по приказу комиссара его искали по всему Екатеринодару, они воспользовались случаем, тоже переправились через Кубань и перешли к Чичибабе.

В отряде сотника Чичи-Бабы Савченко и его донцы пользовались такими же правами и доверием, как и кубанцы: линейцы и запорожцы. Вместе с ними делали набеги на станицы, контролируемые красными, нападали на поезда и разъезды карательных отрядов собиравших запасы съестных припасов в станицах. Совместно с отрядом есаула Тимченко, занимавшего район станиц Ширванской и Безводной, они атаковали станицу Хадыженскую, важный нефтепромышленный центр охраняемый сильным отрядом саперов. Узнав, что в 15-и верстах оттуда группа рабочих под руководством инженера и под защитой нескольких красноармейцев занимается починкой нефтепровода они, под руководством Тимченко атаковали их и, всех забрали в плен. Так-как у инженера имелась крупная сумма денег, (шесть миллионов), выданная ему для ведения работ, то Тимченко, взамен этих денег отпустил их всех на свободу. Но эти деньги вскоре внесли раздор среди казаков, требовавших их дележа.

Вернувшись после этого на место их бивуака, одновременно с греком, привезшем им провизию, который сообщил им печальную новость. Карательный отряд большевиков прибыв на ферму

Чичи-Бабы, сжег ее, а старика отца повесили. Просто чудом старухе матери и двум сестрам есаула удалось спастись. Услышав эти слова Чичи-Баба стиснув зубы и, не говоря ни слова повернулся, бросился к своему коню, оседлал его, и во всю прыть поскакал в сторону фермы. Все его казаки, все линейцы последовали за ним, чтобы не оставить в беде своего начальника. Таким образом отряд Тимченко растаял, в его отряде осталось из своих казаков, не многим больше, чем донцов у Савченко, но тут к нему подошли остатки отряда Палевского после того, как проводник, вместо того, чтобы указать им свободную от красных дорогу, привел его к большевикам, где он и был разбит на голову. Тимченко продолжал действовать самостоятельно и на предложение Савченко, соединиться с отрядом Крыжановского он не только ответил отказом, но, распространив слух о том, будто-бы Савченко никто другой, как советский агент и, при помощи соседнего отряда хорунжего Мартынова заманул донцов в свою родную станицу Безводную, где они были обезоружены, Савченко арестован и, лишь после суда в станичном правлении под конвоем был доставлен в станицу Царскую. (Перевожу полностью с французского 6-ю главу его книги).

Станица Царская. Штаб Повстанческого Корпуса. Первое впечатление — это — группа раненых только что прибывших с « линии », все они довольно прилично перевязаны. Многие из них снабжены костылями... Да !.. настоящими костылями, а не теми, которые мне приходилось видеть до сих пор в других группах « зеленых »,

где они были вырезаны из древесных веток, да и перевязки здесь настоящие — забинтованные. По всему видно, что здесь — что-то серьезное. Около самого чистенького, блистающего своей белизной дома, развевается флаг Красного Креста. Это походный госпиталь Корпуса. Вот сестра милосердия переходит улицу. На ней косынка и беленький передник.

Тут же на площади стоит большой, кирпичный дом. Над ним развивается русский, трехцветный флаг. На двери читаю : « Канцелярия дежурного офицера Первого Кубанского Повстанческого корпуса ». Прежде всего мне нужно представиться дежурному офицеру. Часовой мне докладывает, что таковой, полковник Жураковский отсутствует и, что поручик Мацнев — его адъютант, его заменяет. Прошу разрешения. Поручик Мацнев сразу же осыпает меня серией вопросов : « Кто Вы такой ?.. Откуда Вы пришли ?.. Что Вам нужно ?.. » — Вкратце, даю ему мой рапорт и, передаю ему мои бумаги.

— Вас подозревают в большевизме ?.. — Да. — А где же Ваш конвой ?.. — Как видите, у меня его нет... А может быть Вы решите приставить его ко мне. — Мы направляемся к Штабу Корпуса. Заметив, что я сам несу сбрую моего седла, мой единственный багаж, поручик Мацнев попросил казака, освободить меня от этой ноши. Казак отдает честь чисто по военному и забирает мои вещи. — Ах, вот как здесь — подумал я, и сразу же почувствовал облегчение, здесь, все по серьезному. Даже есть военная дисциплина. Штаб Корпуса помещался по другую сторону церковной

площади. Флажок корпусного командира красовался у входа, а на древке, увенчанном крестом — хоругвь на трех русских цветах: «Власть Учредительному собранию. Земля — Народу». На обратной стороне значилось: «Первый Кубанский повстанческий Корпус».

— А вот и командир корпуса — воскликнул поручик Мацнев, указывая на балкон домика, на котором сидел старичек, небольшого роста, худощавый, свеже выбритый. На нем был полосатый кафтан, без погон, или каких-либо знаков отличия, указывающих его чин. Поручик подал ему мои бумаги.

Крыжановский, внимательно осмотрел меня с ног до головы, потом поднялся и пошел в дом, для того, чтобы там спокойно просматривать мои бумаги. Четверть часа спустя он вызвал меня к себе. Я вхожу. Это — салонный зал превращенный в Штабную канцелярию. Карты Кубани на стенах. Бумаги на столах. Там же пишущая машинка. В углу — пулемет.

«Объясните мне пояснее, в чем дело». Я излагаю во всех подробностях мое пленение. У красных в Екатеринодаре. Как мне удалось эксплуатировать мою ситуацию, после чего перехожу на мое пребывание в отряде Тимченко, так же как и мой инцидент с ним. Крыжановский выслушал меня с большим вниманием, после чего он произнес: «Так — что мы будем работать вместе. Я Вам верю, и мы постараемся вернуть Вам сюда ваших казаков, так — же как и лошадей.

Сведения, которые я смог доставить Крыжановскому о разбросанности красных сил были не

новые для него. Он имел сведения даже о готовящемся десанте. Его контрразведка, организованная в Майкопе и действующая с большим тактом приносит ему почти те же сведения, которые я ему принес. Единственно, что я ему принес нового это, детали действий красных на Тамани, так-же, как и сведения, касающиеся жизни в Екатеринодаре в данный момент.

Полковник Крыжановский не был со мною согласен, считал преждевременным итти в наступление на Екатеринодар. Это не то, что нам следует делать в данный момент... Екатеринодар будет наш, если десанту удастся высадиться. Пока что мы не должны уходить отсюда. И отсюда, именно отсюда мы должны будем послать нашу опору уже высадившимся войскам. Десант будет действовать с его стороны, а мы — отсюда. Необходимо, чтобы наша атака разсеяла-бы внимание хотя-бы части красных войск. Если обе линии фронта будут действительно согласованы и активные, то дело большевиков будет ликвидировано. Именно отсюда нам нужно раздувать пожар. Для этого нам нужно объединить все отряды, Тимченко, и других.

Идею «Зеленого Конгреса» Крыжановский нашел тоже преждевременной. Это будет ничто иное, как митинг... Подобный Конгрес может дать совершенно противоположные результаты. Этот Конгрес был-бы для нас полезен для того, чтобы зацементировать, сковать наш союз и дружбу, но он может окончиться разногласиями... Сама по себе идея хорошая, но не в данный момент, а поэтому с конгресом следует повременить.

Полковник Крыжановский произвел на меня впечатление человека практичного, дальновидного и, знающего свое дело. По всему было видно, что это был человек откровенный, прямой, человек большой силы воли. По всей вероятности, он был так-же превосходный организатор. То, что я только что заметил и видел в станице Царской, ясно показало мне, что здесь — умеют работать.

Прощаясь со мной, Крыжановский обратился к поручику Мацневу : « Потрудитесь приготовить ночлег для войскового старшины. Следите за тем, чтобы у него все было-бы в порядке и, пусть он хорошо отдохнет. Потом, обращаясь ко мне и пожимая мне руку : « Вы будете получать ордеры от меня лично. До скорого !... »

Но, не будем пеерводить с французского всю книгу Савченко, одной главы достаточно. Пора узнать, что сталось с нашими артиллеристами.

Сколько времени мы сидели на занятой нами позиции доминирующей станицу Даховскую, не могу сказать. В конце концов Мыльников, не дождавшись появления ни нашего Штаба, ни Красных приказал запрягать и мы двинулись в дальнейший путь, решив, что Крыжановский отступает по другому пути.

Наша дорога шла гораздо правее той по которой двигались все остальные части. Нам пришлось преодолеть два или три перевала, хотя и не особенно высоких, но подъемы на них были настолько круты, что нам приходилось зачастую самим впрягаться и помогать быкам. Уже подъезжая к главной дороге ведущей из станицы Псебайской в горы, на Черный Яр, мы услышали

канонаду, артиллерийскую и пулеметную стрельбу. Это нам показало, что у станицы Псебайской идет бой. Над нами появился большевицкий аэроплан, развернувшись он сбросил бомбочку, упавшую в сотне шагах от дороги и, скрылся, не забыв сбросить пачку прокламаций, призывающих казаков к сдаче, так-как дальнейшее сопротивление безполезно, а в конце: « На Шкуре не удержались а за Хвостик не уцепитесь ».

Примерно в это время к нам приблизилась группа всадников. Это были донские артиллеристы, которых Фостиков послал к Мыльникову сказав при этом « Донцов посылаем к донцу ». Можно ли представить удивление и радость Мыльникова, когда он, среди донцов (их было около сорока человек), узнал многих из своих ребят, столько времени прослуживших под его руководством, с котрыми сдавался в плен, тех самих, которые его спасли от расстрела в станице Шапсугской, после чего они шли вместе до самого Екатеринодара, где им пришлось разстаться, так-как они все были зачислены в ряды красной армии.

Рассказывают : « Сформировали из нас батарею, хотели на поляков послать. А тут — волнения. Ну, нас сюда и послали. Первый бой. Нам через речку отступать, а вахсистр наш, Исаак Захарович нам подмигнул. Как мы в речку, — первый унос на дыбочки, второй — право, коренники — влево, а орудия — ни с места. Комиссар с револьвером побегал, побегал, а тут — кубанцы. Ну, он и дал ходу, а мы — значит — и сдались ». Эту встречу описать невозможно, настолько была

она трогательна, тем более, что у Фостикова многие кубанцы были настроены против них, были довольно нелюбезны и им приходилось зачастую держаться в стороне, и все время быть настороже.

От них же мы узнали подробности неудачи Фостикова и его знаменитого кулака, который был брошен в атаку станицы Лабинской. После короткого и решительного боя пластуны заняли станицу. Правофланговая кавалерия, заняв станицу Урупскую, собиралась уже атаковать Армавир, как произошла перемена и, перевес шансов. Большевики, получив сразу-же большие подкрепления перешли в контратаку и — при помощи броневиков, блиндированных автомобилей и многочисленной артиллерии выбили казаков с их позиций. Расстреляв последние патроны безпатронники вынуждены были отступить и покинуть Лабинскую.

На следующий день Фостиков, чтобы поправить положение решил оказать сопротивление у станицы Вознесенской, окончившееся также неудачно, переправившись потом через реку Лабу он решил итти в Майкопский отдел, под крылышко самим Богом спасаемого полковника Крыжановского, но узнав : что тот уже покинул Монастырь, он повернул влево по дороге на станицу Псебайскую, Черный Яр и, — в горы.

Соединившись с донцами артиллеристами, и выйдя уже на скрещение двух дорог, прежде, чем взять дорогу идущую от Псебайской на Черный Яр Мыльников распорядился поставить орудия под деревьями, а сам поехал в сторону Псебай-

ской, для того, чтобы представиться кому нибудь из начальства и, узнать есть ли какие директивы, или приказы. В ожидании прибытия есаула мы наблюдали, как по дороге в горы тянулись безконечные вереницы мажар беженцев, вперемежку с конниками и пешими, среди которых уже нельзя было разобрать кто из них беженец а кто — военный. Но были и мажары, пробивающиеся в обратном направлении, решившие вернуться в свои станицы.

— « Пийдем до дому !.. Хай будэ що будэ !.. Всэ одно помырать !.. А на всэ — Божья Воля ! » Встретившие Мыльникова конники указали ему командира их полка Войскового Старшину Живцова. Найдя командира полка и, представившись ему, Мыльников задал Живцову ряд вопросов, на которые тот охотно ответил и рассказал ему то, что знал о трех поражениях Фостикова, и вдобавок сообщил ему, что приказано расстаться с артиллерией, так как нам теперь предстоит пройти очень трудный подъем, зачастую — почти непроходимыми трущебами и отвесными скалами, так что лишь вьючные животные с трудом смогут преодолеть этот путь. Вернувшись к нашему бивуаку, Мыльников тот час же распорядился послать вахмистра Беликова со всеми его людьми вперед, для отыскания удобного места, где можно было бы сплавить, привидя их в негодность, оба орудия. Фуфаев и Миронов с замками так-же отправились с ними вперед.

Свернув с дороги, и выбрав подходящее место на берегу какого то притока реки Лабы, мы вчетвером : Мыльников, поручик Мацнев, и мы с Бе-

ляевским, перенесли снаряды (их оставалось около полдюжины) на самый берег и, выкопав небольшую канавку на уровне течения воды, зарыли снаряды с таким расчетом, чтобы течением воды залило-бы все следы нашей похоронки.

Продолжаем подъем, по дороге, по которой тянутся безпрерывные вереницы беженских мажар, с привязанным к ним сзади скотом, с женщинами и детьми. Вся эта орава движется вместе с конниками Живцова. Погода — чудная. Солнце освещает панораму, неподдающуюся описанию пером. Впереди нас — вдали, видны почти конические вершины гор покрытых лесом. Между зеленью деревьев и кустарника высовываются озаренные солнцем светло-серые скалы. Между нами ясно бросаются в глаза хвойные деревья. Внизу бурлит и шумит резвая и пенистая Черная Речка. Справа же от нас — выращенная рукой самого Всевышнего настоящая березовая роща. Вперемежку с другими лиственными деревьями выдаются своей белизной чудные стройные, величественные березовые стволы, над дорогой, над нашими головами нависли ветви, густо покрытые дрожащими листьями, местами начавшие уже желтеть и, даже розоветь. Все это представляет собою такую картину — что — залюбуешся !.. Но дальше любоваться этими пейзажами нам не пришлось.

Справа в эту рощу вела еле заметная заросшая, травой и мелким кустарником дорожека и на ней уже расположились наши донцы — артиллеристы. Лишь только мы подъехали к ним, вахмистр, выйдя вперед и, переговорив с Мыльниковым,

распорядился, и тут же, не выпрягая быков, по досятку казаков впряглись в каждое орудие, для того чтобы помочь быкам вытянуть их на гору.

Крутой подъем привел нас на небольшую полянку. Справа от нея начинался крутой, почти отвесный обрыв, верхняя часть которого была покрыта лишь кустарником и мелкими деревцами, но-пониже, на более отлогой ложбине и крупные деревья и, даже — вековые дубы. Выпрягаем быков, пускаем их на полянку, покрытую травкой. В руках у одного из артиллеристов появляется большой молоток, которым он начинает колотить по крючку-ерготу составляющее одно целое с телом орудия и, служившим, как бы его душой, так как на него упирается замок. После долгих усилий « эрготы » каждого из двух орудий были сбиты. Приведенные таким образом в негодность наши два орудия были поставлены, почти вплотную к нему. Есаул распоряжается. Все присутствующие сгрупировались у самих пушек. Раздается команда : « На прощальную молитву... » Стоявшие у первого орудия, сразу же после короткой « молитвы », толкают его. С неимоверным грохотом, тяжелое орудие летит вниз — кувыркаясь и переворачиваясь вверх тарамашками в тартарары, как говорят, ломая и вырывая с корнем кустарник и попадавшиеся у него на пути деревья. Второе орудие последовало по тому же пути. Примерно в сотне метров ниже стояло громадное дерево, повидимому вековой дуб. Удар орудия, развившего колоссальную скорость был настолько сильный, что само орудие перепрыгнуло через корону дерева, предварительно вырвав

его с корнем и, продолжало свой путь, как ни в чем не бывало, остановив свой бешенный бег лишь в глубине оврага.

Поручик Мацнев тут же у обрыва, сделав характерный жест, как бы давая тон, по дирижерски поднял свою плетку и запел: « Ты Кубань, Ты наша родина, вековой наш богатырь. — И все хором — Многоводная раздольная » и т. д. После двух куплетов Кубани, выступает один молодой донец — артиллерист. Став у самого обрыва, на том самом месте, откуда только что были спущены орудия, поправил свой чуб выдающийся из под папахи на бекрень и, имитируя Мацнева, хорошим тенором затянул: « Всколы-ыхну-улся взволно-ова-ался Право-осла-авный Ти-ихий До-он. — И все без исключения, как бы влекомые каким то вдохновением, подхватили: — И по и послушно отозвался »... и т. д.

Это прощание с пушками произвело большое впечатление на присутствующих. Взоры всех, (кое у кого) они были довольно влажными) были обращены вниз, туда, где исчезли наши испорченные орудия. Те самые орудия, которые спасли жизнь не только нам, новоиспеченным « артиллеристам, но и Штабу и остаткам корпуса Крыжановского. Это — благодаря им и, конечно Мыльникову нашим телефонистам удалось подслушать и, т. о. узнать о готовящейся нашему отряду западне и уничтожению.

« Безпризорные » наши быки, продолжают пощирывать травку. Но тут следует повторить то, что уже было сказано для того, чтобы стало ясно, почему быки оказались « безпризорными ».

Во время обстрела неприятельскими пулеметами артиллерии Мыльникова под станицей Даховской, возницы, они же являлись и хозяевами быков, при первых же пулеметных очередях, первыми бросились вразсыпную в чащу леса покинув таким образом своих собственных быков. С тех пор быки, впряженные в орудия остались под надзором « артиллеристов ».

Начинает вечереть. Продолжать дальнейший путь спустившись на дорогу, по которой движутся безпрерывной лентой, перемешавшись и, мешая друг другу, конные, пешие, войска и беженцы — было бессмысленно глядя на ночь, тем более, что наша полянка представляет идеальное место для нашего ночлега, поэтому Мыльников распорядился оставаться в этой роще до утра. Но — кто распорядился так во время устроить поминки — тризну по нашим орудиям использовав « безпризорных » ? Наверное вахмистр. После того, как был закончен церемониал по прощанию с пушками и, выйдя на полянку, мы заметили в котловинке, вглуби полянки уже разведенный костер, а рядом с ним деловито снуют несколько донцов, вокруг двух зарезаных быков исполняя роль мясников. В первый раз с тех пор, как мы покинули станицу Царскую мы плотно поужинали и отдохнули на нашей полянке. Во время пирушки, кто-то из донцов даже сожалел, что не было водочки, чтобы горло промочить. На утро, чуть свет оставшиеся « безпризорные » были навьючены и мы спустились на дорогу.

Покинув не без сожаления нашу полянку, нашу рощу и, подойдя к дороге нам не сразу

удалось втиснуться в эту двигающуюся массу пеших и конных. Многие из беженцев уже покинули свои мажары и перешли на вьюки, но были и такие, которые еще верили в какое то чудо и не решались разставаться со своим добром. Пропуская мимо нас всю эту толпу мы были приятно удивлены, узнавши среди проходивших наших — из Штаба Крыжановского, с которыми мы и продолжали наш путь. От них мы узнали причину, по которой мы их не дождались после боя под станицей Даховской. Они-же узнали от нас, но не сразу поверили, что из под Даховской стреляла не батарея красных, как они все думали и предполагали, а именно наши две « негодные пушки обслуживаемые нами, зелеными горе пушкарями ».

Лишь здесь нам стало известно, сколько трудностей им пришлось перенести прежде чем, в конце концов выбравшись из леса им все же удалось добраться до станицы Баговской, откуда они должны были « выскочить » в спешном, чтобы не сказать экстренном порядке и прийти на соединение с отрядами Фостикова и Муравьева. После этой встречи мы шли уже вместе со своими. В результате этой встречи произошел обмен мяса на пшеницу. Таким образом для разнообразия нашего « стола » мы стали получать вместе с кусочком говядины, так же и щепотку пшеничных зерен. Смею Вас уверить, что несмотря на то, что хлеб печется из пшеничной муки, но, даже на голодный желудок он не может быть сравним, а тем паче заменим той-же пшеницей, еще не молотой, не превращенной в муку, из которой

можно было бы приготовить хотя бы какие нибудь лепешки или же сварить галушки.

Приближаемся к самому « Черному Яру ». До сих пор дорога шла большей частью в гору. Но тут она, после поворота начинает спуск к речке. Перед нами, с другой стороны реки — почти отвесная скала, вернее — стена. Скала эта имеет, насколько мне помнится, не меньше ста метров высоты. Слева — в глубине виднеются несколько построек, но что это за местечко, скорее похожее на аул местных горцев. Повидимому это и есть « Черный Яр ». Подтверждение этому названию находим при взгляде в правую сторону, как только, при повороте вправо выходим из за горы, закрывавшей до сих пор от нашего взора вторую, такую же скалу. Обе эти стены сходятся внизу, где пробивается быстрый, хотя и не очень многоводный, в это время года, горный поток.

Впечатление — грандиозное. Представьте себе узкую, черную щель в скале, как бы перерезывающую ее на двое. Эта щель, или — ущелье очевидно и получило название « Черного Яра ». А таккак его географическое положение не позволяет солнечным лучам проникать в его глубину, то его и прозвали в свое время черным. А вот и сама — то речка, хотя ее и называют Черной речкой, но ее можно было бы назвать скорее — « Молочной ».

Вот что пишет полковник Демьяненко, командовавший авангардом отступающей Армии Спасения России, послнный ген. Фостиковым вперед, для того, чтобы пробиваться к Черному морю. 29-го августа он дал ему такой приказ :

— Отсутствие у нас патронов и превосходство сил противника не позвнолять нам продолжать здесь борьбу за нашу свободу. По имеющимся сведениям, (как видно, со слов генерала Муравьева (« К.Б. ») в районе Сочи генер. Врангелем высажен дессант с большим запасом оружия и боевых припасов. Несколько дней тому назад я послал сотню конных партизан есаула Поперeки с заданием доставить мне оттуда на вьюках патроны. Вам же поручаю выполнить следующее : со своим батальоном, к которому я придаю весь 2-й Лабинский конный полк, вы сегодня же, бросив обоз и перейдя на вьюки, с запасом продовольствия на два-три дня, выступите в качестве моего авангарда через селение Чернолесье и дальше горными перевалами на город Красная Поляна — он же хутор Романовский, на город Адлер и Сочи. В случае, если эти пункты заняты красными — вы должны их выбить оттуда и ждать моего прихода в Сочи. Объясните положение и задачу казакам и не препятствуйте желающим остаться на Кубани.

Нельзя сказать, что бы приказ ген. Фостикова отличался большой ясностью с одной стороны, дессант ген. Врангеля, с другой — там может оказаться противник, которого надо выбивать, а патронов почти нет... Но приказ есть приказ. Среди казаков 1-го батальона пошли разговоры о том — идти ли на побережье, к морю, или оставаться « дома »... Только к 4-м часам дня, пока пришел вызванный из боевого расположения 2-й Лабинский конный полк и произошел окончательный « отсев » из батальона казаков, не же-

лавших идти в неведомый путь, батальон, в составе 200 пластунов и 325 конных Лабинцев, был готов к выступлению. Дорога, ведшая на Черноречье, была каменистой, неровной, к тому же совершенно забитой повозками с домашним скарбом беженцев и частями, выразившими желание « остаться дома », но шедшими, в том же направлении, что и авангард повстанческого отряда — уйти другим путем было невозможно. Продвигались, поэтому крайне медленно. К наступлению темноты авангард прошел всего около 8 верст. Пришлось заночевать не дойдя до Черноречья, куда он прибыл только на следующий день.

В селе творилось нечто невероятное. Масса пеших и конных казаков, большое скопление беженских подвод, запрудивших все улицы и переулки, с сидящими на них женщинами и детьми, ревущий голодный скот, тут же брошенные никому не нужные теперь пушки... Шла раздача пшеничного зерна — единственного продовольствия, имевшегося в обозе, подоспевшем от главных сил ген. Фостикова, и небольшими порциями распределяемого одинаково между военными и беженцами... Здесь к пластунам полк. Демьяненко, задержавшимся в селе всего полтора часа, присоединились остатки 2-го, 8-го и 14-го пластунских батальонов, составлявшие отдельную часть под названием « Линейная дивизия » — по имени дивизии, в которую входили раньше. Усиленный, таким образом авангард, в 11 часов утра перешел мост через р. Черную и, имея в голове 2-й Лабинский полк, под командой ес. Медяника, стал подниматься в горы. Предстояло преодолеть три

горных перевала прежде, чем достигнуть Красной Поляны. Движение в горы, поневоле тяжелое и медленное, особых жалоб не вызывало — привалы делались чаще обычного, люди и кони успевали отдыхать и растянутая колонна быстрее подтягивалась. За день 30 авг. достигли урочища Мостаган, где и заночевали. Часть пехоты, не успевшая засветло спуститься с гор, ночевала на склонах. Отсюда, как было условлено, начальник авангарда отправил ген. Фостикову додонесение о пройденном пути и месте ночлега. Два казака ординарца возвратились через сутки и сообщили, что по пройденной отрядом дороге главных сил ген. Фостикова нет. Куда и где они свернули — неизвестно, так как за полным безлюдьем, не у кого было спросить... На следующее утро после того, как все части авангарда подтянулись — пехота, лазарет с ранеными и больными, беженцы, — тронулись дальше. За день пути одолели второй перевал и остановились на ночь в сказочно красивой долине « Черная Речка », сжатой горами, с желто-зеленой травой, с видневшимися там и сям красными и синими цветами. Долина украшалась Богом насаженными березами. Но что это были за березы !.. Высокие, ровные, стройные, с чистыми белыми стволами и золотыми кронами — листья начинали уже желтеть. Очарование и райская тишина...

Когда на этом перевале была остановка для отдыха и многих мучила жажда, а воды, за отсутствием баклаг не было, кто-то услыхал журчанье ручья и, увидя самый ручей, закричал :

— Господа, молоко течет внизу !.. Прибежали

на крик. Казак стоял над обрывом, на дне которого протекал, действительно, молочный по виду ручей. Быстро сняли с лошадей повода, связали их и с помощью получившегося узловатого длинного ремня спустили вниз за « молоком » человека, снабдив его несколькими пустыми бутылками. Никакого « молока » не было, была кристально чистая, свежая горная вода, только текла она по ручью с белым мраморным руслом. — Вот так « Черная Речка » !.. — Воскликнул кто-то, вспомнив название долины. — Это какая то насмешка...

Один из офицеров, бегло осмотрев местность, установил богатые залежи белого мрамора... В этот переход пластунские батальоны сильно отстали, но зато выяснилось, что непосредственно за ними идет 1-й Кубанский конный полк, утром 2-го сентября настигший авангард. Командир полка в. ст. Живцов заявил, что он идет самостоятельно, что с ним вместе едут 60 конных артиллеристов под командой есаула — донца Мыльникова, что следом за ним продвигаются части 1-ой Линейной казачьей дивизии, штаб корпуса полковника Крыжановского, действовавшего в Майкопском отделе независимо от Фостикова, а где находится сам ген. Фостиков — он не знает... Полк. Демьяненко предложил Живцову влиться с полком в авангард, на что тот охотно согласился.

От местных имеретин, живших в горах, узнали, что впереди, на последнем перевале, расположился со своими « джигитами » есаул Поперека, который дальше идти не решается, так как Крас-

ная Поляна и лежащий перед ней хутор Эстонский заняты большевиками.

После выддержки из воспоминаний покойного полковника Демьяненко, здесь следует перевести некоторые выдержки из книги в. ст. Савченко так как всякий очеведец какого либо события, лучше запоминает то, что на него произвело наибольшее впечатление, поэтому привожу полностью слова Савченко.

« По какому плану действовал ген. Фостиков? Мое мнение — у него никакого точного и определенного плана не имелось, кроме каких то предположений, основанных на его бывших, удачных операциях. Будущая же ситуация, забота о завтрешнем дне для него была мучительной загадкой. С одной стороны, он думал о возможности задержаться в Грузии, чтобы избежать плена. Вторая возможность была основана на предположении, что — как ему передавал ген. Муравьев — повстанческое брожение не переставало давать о себе знать на всем Черноморском побережьии, что наше появление среди них даст толчек всеобщему возстанию. Эту возможность поддерживал и г. Муравьев, который, — по его словам — некоторое время тому назад был во главе крестьянского возстания на побережьи. По его рассказам, это движение было организовано полковником Балуевым, посланным специально для этой цели генералом Врангелом. Балуев жил в Гаграх (в Грузии) располагал крупной суммой денег и, — имел склад военных припасов, а так же и обмундирования, и даже будто-бы имел в своем распоряжении подводную лодку для сношений с

Крымом. Выходит, что стоит только нам появиться на побережьи, как население и местные зеленые примут нас в распростертые объятия. Кроме того, имея связь с Крымом мы будем иметь возможность создать новый фронт, который имел бы несомненный успех. Третий план был ничем другим, как повторением предидущего: войти в контакт с возставшими крестьянами побережья, отбросить красных в сторону Новороссийска и взять направление на Майкоп.

Вот каковы были наши мечты. Но — главный вопрос заключался прежде всего в том, удастся ли нам добраться до моря, не будем ли мы уничтожены большевиками еще в горах. Мы ждем с нетерпением новостей от есаула Поперeки, посланного Фостиковым вперед с задачей — выяснить положение красных на побережьи. Узнать место нахождение, размер повстанческого движения, и найти наилучший путь на Сухум. Поперека должен так же связаться с полковником Валуевым и, найти отряд полковника Улагая, который должен находиться где то вблизи с границей с Грузией.

Подходим к немецкой слободке. Жители ея, будучи сами накануне голода, к сожалению, ничем не могли нам помочь. Наоборот, по их просьбе Фостикову пришлось, во избежание грабежей, поставить стражу, прежде чем продолжать путь. Население этих горных поселений было в стороне от текущих событий, и поэтому они не могли дать нам какие бы то ни было сведения. Они даже не имели представления о том, что такое красные, зеленые или белые.

Да !.. Были еще в России такие заброшенные закоулки.

Продолжаем изнурительный и трудный путь в горы по каменистой, узкой, едва проходимой тропе, иначе назвать ее нельзя. Большинство коней еще до этого износили свои подковы и шли по камням голыми копытами. Из повстанцев многие уже шли босыми ногами, до того обувь их износилась и пришла в ветхость. Хотя и изредка, но уже встречаем свеженькие могилки с наскоро сколоченным крестом. Проходя мимо, всякий, осеняя себя крестным знамением задавал себе вопрос : « А где же ждет меня моя могила, найдется ли кто либо чтобы поставить на ней хотя бы маленький крестик ?.. »

Вдруг с передовой колонны слышен возглас, передаваемый по цепочке : « Где находится командующий армией ?.. » Вестовые прибыли от есаула Поперeки и должны вручить в руки Фостикова важное письмо. После нескольких часов безплодных поисков, пришлось придти к заключению, что генерала нет с Армией. Он — как в воду канул. Следующий по чину был генерал Муравьев. Но он тоже испарился. В конце концов полковник Старицкий с группой офицеров, взял на себя ответственность вскрыть пакет. Поперека доносит что никаких повстанцев на побережье нет, что возстание, о котором идет речь давно подавлено и, что красные крепко держат в своих руках Красную Поляну, Адлер, Хосту и Сочи. В Красной Поляне, между прочим большевики располагают крупными и хорошо вооруженными силами с двумя орудиями. Поэтому он не реша-

ется бросать в такую авантюру сотню своих джигитов. Поперека спрашивает и ждет инструкций.

Содержание рапорта есаула Попереки и слух о бегстве Фостикова распространился с молниеносной быстротой. Впечатление создалось такое, что все мы находимся между наковальней и молотом, готовым опуститься на наши головы. Уже пошли разговоры о том, что — мол — дело пропащее и нам следует рассыпаться по горам мелкими группами и искать убежища у горных скал, ютиться где нибудь в пещерках и перебиваться кое как, чем Бог пошлет в ожидании, когда большевики уйдут, и тогда можно будет вернуться по домам. Ведь не может же « комуния » владычествовать вечно. Многие, на самом деле, при первой возможности свернули с дороги и пошли пробираться между скал, ведя с собою всю семью, веря и надеясь лишь на Божие Милосердие. Армия начала разваливаться.

Разсуждения казаков основывались на том, что раз генерал сбежал, значит он, как человек знающий, он — сверху — видел, что наше дело окончательно проиграно, что выхода нет и, стало быть положение Армии — безнадежно. Разговоры шли своим чередом: « Как только дело начинает пахнуть ладаном, Их Превосходительства быстро испаряются... Морозов, Букретов, Кубанское правительство, Рада. Все они нас покинули, бросили на произвол судьбы. А вот теперь и сам Фостиков нас бросил, пришел и его черед. Такая уж эта проклятая раса ».

На этом оставим Савченко с его мрачными

разсуждениями, посмотрим лучше, как себя чувствуют и ведут себя наши « артиллеристы ».

Подходим к Черной речке. На дороге уже не видно мажар. У последних из них копошаться люди, главным образом старики, женщины и дети, разгружая их содержимое и превращая лошадей, быков и даже коров во вьючных животных, а пустые, уже ненужные мажары спихивают в бездну, чтобы они не мешали другим подвигаться вперед. Людской поток подводит нас к самой речке. Всякий торопится поскорее взобраться на эти скалы в надежде, что большевики не посмеют карабкаться на эти стены и прекратят преследование.

Мимо полуразрушенного моста переходим вброд немноговодную в этот период времени реку и вскоре начинаем подъем по узкой, извилистой горной тропинке. Местами наклон не превышает 45 градусов. Каменистая почва требует большого внимания для того, чтобы не поскользнуться, что может повлечь за собою очень печальные последствия. Были случаи, когда бык или лошадь, поскользнувшись, летели в пропасть, зачастую увлекая за собою и всадника. Такие случаи бывали и с ранеными. Поднимались мы в горы почти без остановок, но под вечер, предусмотрительные донцы-артиллеристы выбрали место на довольно плоском отроге, в стороне от главной тропы, развели костер и, еще засветло расположились бивуаком на ночлег. Лошади и быки были пущены на пастбище, а мы все, после « ужина » разделились на два лагеря. Донцы — на одном выступе отрога, а кубанцы — на другом — поменьше, но

тут-же рядом. Несмотря на то, что все были утомлены тяжелым подъемом, никто не мог заснуть. У каждого была своя думка, но суть ея у всех сводилась к одному и тому-же: Что будет дальше?.. когда? когда-же придет конец всем нашим скитаниям?... Все это представляло собою неразрешимую задачу — загадку. Одно лишь ясно — идем мы неизвестно куда не зная ничего о том, что станет с нами завтра.

Вдруг, нарушая ночную тишину и спокойствие кто-то крякнул, или ахнул. Горное эхо ему ответило, повторив несколько раз этот звук и вслед за этим как только замолкли последние, отдаленные отголоски, полились звуки приятного тенора. Это Степа К-н запел старинную песнь запорожцев в плену у турецкого султана: « Закувала та сыва зозуля, ранним рано на зари. Та й заплакалы хлопци моло-одци — потом все хором — Гей! гей гей! У турэцькой неволи в тюрьми. Воны пла-акалы гирко рыдалы, Свою долю проклына-али. — потом — нежным тенорком, все усиливающейся скороговоркой: Ой пови-ий повий, та-й буйнэсенький ви-и-итэр. А там на вкраини, там сон-нечко ссьяе, козацьтво гуляе, гуляе гуляе — и нас вы-гляда-ае, нас выгляда-ае. О-ой як зачу-улы-ы турэцькыи султаны, взялы звелилы щэ-й гирше куваты кайданы, куваты кайданы, кайданы куваты кайданы куваты, кайда-аны. Ге-ей гей гей у турецькый нэволи в тюрьми ».

На высоте около двух тысячь метров, разреженный воздух, ночью легко воспринимает звуки пения, отбрасывая их далеко в горы, откуда, отра-

жаясь от голых скал, густым эхо возвращается назад. Гармония получилась безподобной. Донцы не остались в долгу. Чтобы не подгадить, они затянули — было какую-то заунывную, донскую песню, но она была прервана тенорком, если не ошибаюсь — Соловьева :

« Как у нас в Кисялевке, да в огороде у Левки, а все остальные — хором : Ой горюшки горя, да в огороде у Левки, ой горюшки горя, в огороде у Левки. Под зеленой ракитой оказался убитай. Он горюшки горя оказался убитай (2 р.) А-а тетка Матрена, да все по двору ходя, Ой гор... да все по двору ходя (2 раза). Она по двору ходя, да руками разводя — опять двойное горевание. Ой да и што-й то нам будя, — становой к нам прибудя, горевание и т. д. На лошедке на быстрой, становой едет пристав. Ой горюшки и т. д. (2 р.). А за ними на паре, дохтор с фершалом шпаря. — Двойное горевание. Чтобы дело погасло, надо три горшка масла. Ой горюшки горе и т. д. А что-б делы заглохли надо три ведра водки. Ой горюшки горе, надо три ведра водки. Ой горюшки горря нужно три ведра водки...

После этого не знаю, продолжалось ли « гореванье или нет так как несмотря на холодную горную ночь мне все-же удалось заснуть и, немножко отдохнуть. На утро, чуть свет наша небольшая группа артиллеристов уже покидала зеленый отрог, послуживший нам ночным привалом направляясь к главной тропе, по которой уже двигались конные части. Это был (как потом выяснилось) 1-й Кубанский конный полк полковника Живцова. Авангард же полковника Демья-

ненко прошел еще накануне. Наш маленький отряд возглавлял есаул Мыльников ехавший вместе с вахмистром, за ними следовала большая часть конников. Мы-же — молодежь — как безлошадные, погоняли навьюченных быков (наше живое мясо), а следом за нами шли остальные конники, как бы служа нашей охраной.

Дорога, если можно так назвать эту извилистую и крутую тропу, шла по краю почти отвесной пропасти. Каменистая почва и крутой подъем заставляют нас удваивать и утраивать бдительность, чтобы не оступиться и, поскользнувшись не полететь в пропасть. Рассказывали, что такие случаи бывали на самом деле, но мне лично не приходилось видеть таковых.

После одного из многочисленных поворотов кто-то закричал, указывая на другую сторону пропасти : « Глядить-ка туды !.. Дикие козы... Туры ! да их то целое стадо !.. » На самом деле, с другой стороны бездны, на довольно крутом, но зеленеющем отроге, в каких нибудь двухстах метрах от нас, мирно пощипывая травку спокойно паслось стадо, не менее дюжины диких коз, а над ними, немного в стороне сам красавец « ТУР », горный козел, так же пощипывая травку лишь время от времени поглядывал в нашу сторону. На такой высоте, (около 2000 метров) в горах, почти недоступных человеку, как видно дикие животные, а тем более горные козлы считают себя полными хозяевами этих не населенных людьми мест. А может быть они знают, или догадываются, что у нас не хватает патронов.

поэтому то они так гордо и с презрением посматривают в нашу сторону.

Перевал Псеашка, которого мы достигли под вечер, находится уже в снеговой зоне. Проходим большую котловину, довольно ровную, но сплошь покрытую снегом. Наша группа ускорила шаг в надежде пройти снежную полосу как можно скорее, чтобы до наступления темноты начать уже спуск по солнечной стороне, как мы предполагали, так как многие из нас — молодых не имели теплой одежды, но были и такие, как и ваш покорный слуга, которые были в одной рубашке. Но не тут то было, стоит пикет и преграждает нам путь. Запрещено переходить за перевал, приказано заночевать в снежной зоне. Этой ночи забыть невозможно. Леденящий ветер, снег по колена, все это заставляет нас быть все время в двежении. Чтобы не замерзнуть, приходилось бегать, ходить, танцевать от холода.

Мораль у всех, и не только у молодежи, была на самом низком уровне. Слухи — самые невероятные передавались из уст в уста. Мы — по колено в снегу и находимся между двух огней. Говорят, что сзади нас, где то внизу слышна пулеметная стрельба, значит большевики следуют за нами по пятам. Впереди — тоже не лучше, где необходимо пробиваться с оружием в руках. По сведениям, полученным от горцев (имеретин) город Романовск (красная поляна) занят двумя полками красных, вооруженных — до зубов и с артиллерией. Вся кавалерия нашего авангарда во главе с проводниками — имеретинцами и сотней джигитов есаула Поперeки, к которым

примкнули и наши донцы-артиллеристы, пользуясь темнотой ночи уже спускаются по тропинкам, известным лишь местным пастухам-имеретинцам, для того, чтобы застать красных врасплох и, внезапной атакой, взять город Романовск и войти в него с двух сторон.

Как было уже сказано выше, генерал Фостиков, убедившись, наконец, сразу же после своей неудачи в станице Лабинской о недостатке патронов, чтобы помочь делу, послал есаула Поперeку со своей сотней джигитов в район Сочи для того, чтобы оттуда он на вьюках, через горный перевал Псеашка доставил бы патроны, так как ему было известно, (очевидно по рассказам того-же генедала Муравьева) что в районе Адлера-Сочи был высажен генералом Врангелем — дессант. Добравшись до верхней точки — Псеашка, от местных горцев-имеретин он узнал, что никакого дессанта там высажено не было. Правда, было возстание местных жителей, но оно было подавлено и, что в данный момент на черноморском побережьи находятся крупные силы большевиков. Само собою разумеется, — с одной сотней на такое дело он не мог решиться. За несколько дней, проведенных среди горцев в ожидании распоряжения от ген. Фостикова, его сотня была — не только подкормлена, но даже все они приоделись заново, превратившись внешне в настоящих имеретинцев.

Лишь после того, как наши дозоры сообщили о том, что со стороны Красной Поляны слышна канонада, нам разрешено было покинуть нашу сноговую зону и начать спуск к Эстонке и Рома-

мовску. Это было 4-го сентября по ст. стилю. Дорога-тропа была гораздо более доступной чем при подъеме, а поэтому мы с легким сердцем, несмотря на усталость, безсонную ночь и все невзгоды приближались к Красной Поляне под начальством вахмистра. Мыльников же встретил нас уже в городе и, указывая двор, где мы должны были расположиться на ночлег строго настрого приказал нам никуда не отлучаться и ничего не трогать. « Ни одна ягодка не должна быть сорвана в садах местных жителей ». Почти на ухо каждому из нас он сообщил, что местные жители — Эстонцы ничуть не рады нашему приходу, а посему необходимо быть очень осторожными. Питание-же будет налажено при помощи походных кухонь оставленных противником при их спешном отступлении. Приказ этот не был лишним. По всей длинне изгороди тянулись длинные плети виноградных лоз, на которых ласкали наши взоры и манили к себе крупные гроздья зреющего винограда. Несмотря на соблазн и желание отведать винограда, никто из нас даже не дотронулся до него. На следующий день, рано утром Мыльников пришел за нами, так как мы должны следовать за сотней есаула Поперeки, посланного, совместно с пластунами для взятия непроходимого и хорошо охраняемого тунеля. Но тут — лучше бы дать слово более компетентному полковнику Демьяненко. « ... Холод, усиливаемый пронзительным ветром, всегда особенно сильным в горных ущельях, был весьма чувствителен. И все же люди, подгоняемые голодом умудрились и здесь развести из сухих трав костры, поджа-

рить на камнях хлебные зерна и этим "поужинать" ».

В эту ночь на вершине перевала произошла встреча с ес. Поперека, который находился с партизанской сотней здесь, выставив охранение. Он очень обрадовался приходу авангарда, так как с одной своей сотней он ничего не мог предпринять против красных, которых, по словам задержанного крестьянина из деревни Эстонки, в Красной Поляне было до 2-х полков, при большом числе пулеметов... 3-го сентября, спустившись с перевала и опросив нескольких горцев, полк. Д-ко убедился, что Красная Поляна, действительно, занята противником, но в каких был он силах выяснить было трудно. Положение создавалось тревожное. Присутствие 2-х полков красных в таком глухом месте едва ли было возможно. Но если красных было и два батальона, но с большим количеством пулеметов, расположение которых неизвестно, незнакомая впереди местность, отсутствие боевых припасов, раненые, больные, невозможность отхода назад — все это толкало на принятие какого то решения и на принятие немедленное. Кроме всего этого, положение с продовольствием было просто катастрофическим — лошади все еще питались травой, но люди буквально голодали. И последнее обстоятельство подсказывало и единственный выход из положения — и продовольствия и боевых припасов было много у противника, следовательно, необходимо было его атаковать... Весь день 3-го сент. прошел в сборе всех войск, в отдыхе и в разведке. В этот же день явился неожиданно ес.

Апанасенко из штаба ген. Фостикова, передавший н-ку авангарда письменное приказание от 3-го сент. за № 368. В нем говорилось, что авангард переименовывается в правую колонну войск « Армии Спасения России », начальником ее остается полк. Д-ко и все другие части и отдельные лица, находящиеся в районе колонны, должны войти в ее состав. Ген. Фостиков с главными силами направляется через перевал « Умпырь », составляя левую колонну... С этого момента, в течении 10 дней (до 13-го сент.) бывший авангард « Армии Спасения России » потерял всякую связь с главными силами ген. Фостикова, шедшими параллельно, и выполнял возложенную на него задачу самостоятельно, без какой-либо надежды на помощь оружием или воинскими частями.

Приняв решение атаковать д. Эстонку и Красную Поляну, полк. Д-ко выслал с проводником горцем 1-й Куб. стр. бат-он, с целью обойти Красную Поляну, выйти ей в тыл и перерезать дорогу на Адлер. В случае отступления противника из Красной Поляны — атаковать его, действуя сообразно с обстоятельствами. Если же будет слышен огневой бой у Красной Поляны, то свернуть на выстрелы и содействовать силам атакующей колонны. Атака назначена на 4 сент. 3-го же сент., вечером, казаки задержали в горах жителя Эстонки, подтвердившего присутствие красных в деревне. Он же сообщил, что перед деревней, с этой стороны, есть мост через реку Мзымту и что этот мости охраняется красноармейцами с пулеметом. Крестьянина временно задержали.

Спуск с последнего перевала был длинный и крутой, с него было видно Черное море и можно было предполагать, что часть пути со спускавшейся колонной могла быть видима из Адлера. Это заставило н-ка колонны начать спуск в сумерках, после захода солнца. Войска были захвачены темнотой еще в дороге, но уже вошедшими в лес на нижней части спуска.

Ранним утром 4-го сент., прикрываясь высланным вперед охранением, первыми спустились конные 2-й Лабинский и 1-й Кубанский полки, сосредоточившись в резервном порядке на поляне. Разведчики быстро обнаружили мост и заставу красных, его охранявшую. Застава эта была немедленно и без стрельбы атакована Лабинским полком и целиком захвачена в плен. Но по другую сторону моста находилось около двух рот красных, которые в панике бежали в Эстонку и второй Лабинский полк на их плечах ворвался в деревню. В это время Куб. стр. бат-н по ошибке вышел в тыл не Красной Поляне, как ему было приказано, а в тыл Эстонке.Это помешало ротам красных бежать в Красную Поляну и схватка произошла в самой Эстонке, около « ревкома », где роты и были целиком уничтожены. Здесь погиб доблестной смертью, раненый в грудь и живот, корнет барон Норд-Фиорд. Еще во время движения через перевал он просил у н-ка авангарда разрешения быть впереди. Лошади он не имел, поэтому полк. Д-ко ему сказал : « Я не представляю, корнет, как вы, можете быть впереди, вместе с конницей. — Я найду лошадь, —

ответил корнет. Последние его слова, когда к нему подошел полк. Д-ко были :

— Господин полковник, умираю. Слава Богу, мы победили !..

Дальнейшим стремительным движением Лабинский и Кубанский полки ворвались в Красную поляну. Ее гарнизон после короткого боя частью бежал в сторону Адлера, частью распылился, уйдя в горы. Трофеями были : 3 пулемета « Максима », все казаки пополнили запасы патронов, несколько походных кухонь, медикаменты, не говоря уже о винтовках и складах продовольствия... С занятием Красной Поляны или Романовска, как он иначе назывался, обстановка не позволила дать частям заслуженный отдых. От жителей узнали, что в 15 верстах от Романовска есть по дороге на Адлер — туннель и, если его займут большевики, то дорога к берегу и Адлеру будет закрыта, так как туннель обойти нельзя. Было ясно, что пока красные не пришли в себя, надо было действовать, не теряя напрасно времени.

Была выслана вперед сотня Поперeки с целью разведки и, если возможно выяснить, занят, или нет туннель. Людей-же с помощью жителей накормили и им была дана ночь для отдыха. Вечером Поперека донес, что противник в 6-ти верстах от городка окапывается. Во втором донесении он сообщил, что красные отошли к туннелю. Вечером этого же дня были объявлен приказ о дальнейшем продвижении на Адлер утром 5-го сентября. В авангард назначались партизанская сотня, Куб. конный полк и сотня пеших стрелков. В Романовске оставлялись раненые,

больные и все беженцы. Комендантом города назначен был полковник Тимошевский, в распоряжении которого оставлялось 40 казаков. Ему же поручалось войти в связь с ген. Фостиковым, который, по слухам находился в « Садовом Роднике », в 12 верстах от городка. Сделанный подсчет сил выяснил состав колонны :

	офиц.	казак.	лошад.
Парт. сотня,	5	135	140
1-й Куб. Конн. полк	+ 7	+ 109	+ 109
2-й Лабинский полк	12	311	310
Линейная дивизия	15	240	200
Кубанский стрелк. бат-он	11	290	5
Артиллер. (без орудий)	3	60	62
Итого	53	1145	826

Пулеметов в разных частях — 12, беженцев — около 500 человек.

В 9 часов 5-го сентября колонна выступила на Адлер. Начальника отряда безпокоил вопрос, как охраняется туннель ? Разведчики-пластуны выяснили, что перед туннелем имеется горка, на которой окопались красные, но сколько их там было — трудно сказать. На разведку потом пошел сам начальник колонны, т. к. донесение пластунов было утешительное и заманчивое, его надо было проверить. Все оказалось правильным и решение создалось само собой : если по этому « тет-де пону » открыть огонь во фланг и сбить обороняющих с позиции, они обязательно должны броситься к туннелю, а на их плечах легко может

ворваться в туннель и конница. В дальнейшем все произошло как по писаному. Как только ес. Курош с 50-ю стрелками пришел на указанное ему место и открыл по красным фланговый огонь, тотчас-же поддержанный с фронта, в рядах защитников туннеля произошло замешательство, а за тем и полное расстройство. Не выдержав, они побежали к туннелю, у входа в который попали под сабельные удары конных партизан есаула Поперeки. В диком страхе, не видя спасения, красные бросались через отверстие развалившейся стены туннеля в реку Мзымту. Берег здесь был высокий и крутой, люди, бросавшиеся с него разбивались на смерть. Таким образом погиб к-р красного бат-на. Казаки потеряли 4-х казаков убитыми... По взятии туннеля войска колонны продвинулись до Свято-Троицкого мужского монастыря для ночлега и отдыха. От жителей узнали, что какие-то войска шли, очевидно на подкрепление, но быстро повернули назад, когда до них дошла весть, что туннель пал...

Рано утром 6-го сентября колонна двинулась на Адлер. В голове шел 2-й Лабинский полк. Партизанская же сотня есаула Поперeки получила специальную задачу : выйти с проводником к местечку Хоста и если там окажется противник — отвлечь его внимание на себя, чтобы он не мог помешать движению главной колонны. Если же в Хосте никого нет — занять ее и перехватить могущие отходить на нее красные части из Адлера....

В пяти верстах от Адлера шедшие в голове

Лабинцы были обстреляны. В спешном порядке, вместе с подоспевшей пехотой, они стали наступать. Красные не выдержали и побежали по направлению к Адлеру. На их плечах Лабинцы ворвались в город. К 3-м часам дня вся колонна была уже в Адлере... Все большевицкое ушло из города на Хосту. Куб. конн. полк брошен был в преследование, имея конечной целью у Хосты или в самой Хосте соединиться с партизанской сотней ес Поперекиi... Колонне, занявшей Адлер необходимо было передохнуть. Переходы через горы, бои, безостановочное преследование врага, все это на голодный желудок измотали людей и лошадей до крайности. Эта усталость в одинаковой мере сказалась и на казаках Куб. конн. полка, брошенного на Хосту. От к-ра полка к вечеру получено было донесение о том, что красные заняли позиции по берегу речки перед Хостой, но атаковать их, в ввиду чрезмерной усталости людей он не решается... Во втором донесении он сообщил, что он ранен и имеет сведения о партизанах есаула Поперекии. Есаул, обходя горами Хосту, вошел в село Верхне-Николаевское, где пробыл несколько часов. Как потом выяснилось, жители обильно угостили его и всю сотню вином. Только поздно вечером подошел он к Хосте и узнав, что Адлер занят казаками, а он задачи своей не выполнил, решил исправить свое упущение и атаковать, пока было еще светло, — красных. Бравый офицер, он в нетрезвом виде, впереди своих казаков, привлекая на себя внимание белым бешметом и красными штанами, помчался на красноармейскую цепь и был убит наповал,

пав смертью храбрых. Атака его сотни была отбита.

Хосту все же надо было занять — Адлер являлся слишком маленькой отдушиной для войск всей колонны. Недалеко от него в сторону Грузии начиналась нейтральная полоса, для войск запрещенная, сзади были горы, куда путь был заказан. Оставалась Хоста, заняв которую можно было с большими удобствами разместить войсковые части и не только в обычном житейском смысле, но и по чисто военным соображениям — с увеличением занятой территории увеличивалась возможность маневрирования, что было чрезвычайно важно как для обороны, так и для дальнейшего наступления... 8-го сентября Куб. стрелковый батальон выступил на Хосту. Пройдя около 2-х с половиной верст он встретил отходящую в безпорядке свою передовую конницу. Оказалось, что рано утром конница была атакована броневиками красных (о броневиках говорили накануне в Адлере) которые направляются к городу. Стрелки заколебались в свою очередь и, разбившись на две группы, отошли частью на Адлер, частью на Молдавское. Это неожиданное отступление вызвало в Адлере настоящую панику — все бросились в сторону Грузии на мост через реку Мзымту. Один 2-й Лабинский конн. полк сохранил дисциплину и порядок. Ему приказано было выйти на дорогу Адлер — Молдавское и сдержать противника, пока не будет переправлено все на левый берег реки. Лабинский полк блестяще выполнил задачу. Когда Адлер был эвакуирован, он с боем отошел к Молдав-

скому мосту и на другой его стороне занял позицию.

После такого неожиданного оставления Адлера, был отдан приказ о временном переходе к обороне, заняв против Адлера и Молдавского левый берег реки Мзымты... От ген. Фостикова попрежнему не было никаких сведений. Пошли недоуменные разговоры. Положение ухудшалось недостатком патронов. Моральное состояние отряда было таково, что нужно было во что бы то ни стало выиграть время для его успокоения, приведения в порядок, изыскания продовольствия и упорядочения тыла. Противник, заняв Адлер, активности не проявлял, что же касается продовольствия — начались переговоры с жителями села Веселого, в нейтральной зоне между Адлером и границей Грузии, закончившиеся тем, что они безплатно предоставили часть поля с неубранной кукурузой и разрешили казакам пользоваться фруктами в садах, принадлежавших до революции московским кондитерам, а потом реквизированных красными.

Поздно вечером к начальнику отряда секретно явились два грузинских офицера с предложением помочь патронами и русский подполковник Балуев, заявивший, что он командирован из Крыма в качестве начальника штаба, могущего появиться в Черноморской губернии, повстанческого отряда. Полк. Демьяненко с благодарностью принял предложение грузин, а к подполк. Балуеву отнесся по началу с некоторым недоверием...

9-го сентября комендант гор. Романовска донес о полном отсутствии сведений о ген. Фостикове.

Получалось впечатление, что полк. Д-ко с его отрядом брошен на произвол судьбы. После совещания со старшими офицерами было решено правую колонну переименовать в « Кубанско-Черноморский отряд ». Подполк. Балуеву предложить место начальника штаба и отряд считать самостоятельным. В этот день в отряд прибыл из горных ущелий полковник Улагай, нач-к небольшого каз. отряда, отступивший сюда после неудачных действий против большевиков в Майкопском отделе. Отряд полк. Улагая насчитывал около 150 человек, вооруженных винтовками с большим запасом патронов. Согласившись подчинить эту, прекрасную по составу сотню нач-ку « Кубанско-Черноморского отряда », полк. Улагай от командования ею уклонился, сославшись на болезнь. Вместо него в командование сотней вступил полковник Цыганок. День прошел спокойно. Был приведен в относительный порядок тыл : часть людей была поставлена в строй, а все безоружные сведены в запасную сотню под командой гв. полк-ка Вечеслова. Кроме того были приняты меры к изысканию патронов. Для этого обратились к жителям пос. Некрасовского, где, по словам самых жителей, были скрыты патроны, оставленные Кубанской каз. армией ген. Морозова перед своей сдачей большевикам. Добытыми патронами снабдилась вся 1-я линейная дивизия. Полк. Тимошевскому было отослано приказание спешно эвакуировать Романовск, во избежание пересечения красными дороги Романовск-Адлер и, перевезти оттуда всех раненых и больных в с. Веселое... Чтобы вырвать из рук противника

инициативу, решено было, после однодневного отдыха, произвести активную разведку по всему фронту. В этой разведке большое внимание было уделено Хосте, куда была назначена сотня полк. Цыганка. Тишина и отсутствие всякого движения на стороне у красных вызвали у полк. Склярова, командовавшего линейцами, желание проверить — не оставлен ли Адлер ? Он послал туда разведчиков, но они были встречены пулеметным огнем. По участку позиции у сел. Молдавского красными было сделано несколько орудийных выстрелов, не причинивших никакого вреда, но эти выстрелы заставили отряд насторожиться...

Поздно вечером в штаб отряда прибыл из Грузии председатель Кубанской Краевой Рады Тимошенко с запиской от какого то полк. Налетова, чтобы справиться, в каком положении находятся « родные казаки-кубанцы ». Н-ник отряда попросил его всеми средствами и по возможности скорей сообщить ген. Врангелю в Крым, в каком тяжелом положении находится отряд в районе Адлера. Не обещая исполнить эту просьбу, Тимошенко предложил свою помощь медикаментами которых у него будто-бы целый вагон, и 20.000 патронов, все это он может доставить через сутки. Сутки прошли, Тимошенко ничего не доставил... Ночью перед тем в штаб прибыл полк. Налетов, рекомендовавший Тимошенко. Он предложил нач. отряда подчинить свои силы « Черноморскому Комитету, возглавляемому офицером Вороновичем, на условиях, изложенных на особом листе и напечатанных на пишущей машинке. Имя Вороновича было известно нач-ку отряда по борь-

бе Добр-Армии с « зелеными », во главе которых в Черноморской губер. стоял этот Воронович. Поэтому полк. Демьяненко ответил Налетову: — Вы обещаете пушки, ружья и патроны, и вы кубанец. Вы хотите, чтобы я предал людей за сомнительные обещания какому то сомнительному Вороновичу. Этого никогда не будет!.. Налетов ушел и этим дело кончилось.

О намерениях Тимченко, Иваниса, а также и Налетова более подробно пишет Савченко. Постараюсь перевести с французского наиболее существенное: « Ввиду тяжелого, почти безвыходного положения остатков Кубанских повстанцев готовых, по их мнению в соглашение даже с самим Сатаною, они решили использовать эту Армию в 30.000 человек, из коих, почти половина — кавалеристы, для того, чтобы создать нечто вроде « БУФЕРА » между самостоятельной Грузией и Советским Союзом. Поэтому они и предложили начальнику отряда, войти в состав их организации и таким образом образовать « Кубанско-Черноморский Комитет, « не признающий ни красных ни белых. По мнению Тимченко, который считал Армию ген. Врангеля анти-демократичной, создание республиканского и федеративного правления даст наилучший выход из положения и, кроме того, привлечет симпатии всех стран Европы. Разговоры и переговоры длились несколько дней. Каждый раз Тимченко привозил с собою два или три ящика патронов. Среди казаков пошло брожение. Нашлись среди них и сторонники проэкта Тимченко, но все же громадное большинство казаков, особенно офицеров было против. Против-

ники Тимченко сгрупировались вокруг полк. Крыжановского».

10-го сентября результат разведки на фронте Лабинского полка был ободряющий — противник бежал, оставив казакам пулемет «Максим» с патронами, чем обнаружил свою моральную слабость, но зато от Хостинской группы Цыганка никаких известий не было. Это напомнило н-ку отряда историю с ес. Поперека и заставило его выслать в сторону Хосты партию разведчиков в 150 штыков ес. Куроша и 40 коней есаула Мыльникова, Курош вначале имел успех, переправился благополучно через реку, с наблюдательного пункта было видно, что противник отступает, но потом он так неудачно расставил свои сотни, что они оказались без управления и отошли. Полк. Скляров, наступавший на Адлер, донес, что красные перешли в контр-атаку и вынудили его занять исходное положение.

От полк. Цыганка пришло вдруг сообщение, что им занята Хоста и шоссе Адлер-Хоста им перерезано завалами деревьев. Все это впоследствии оказалось чистейшим вздором... Зато от полк. Чаленко, нач-ка обоза, захваченного в свое время в Красной Поляне и там оставленного, было получено сообщение, что, по словам жителей, в село Аибгу прибыли три конных полка казаков — это было первым известием о главных силах ген. Фостикова. Вскоре после этого появился и полк. Цыганок с докладом, что он возвратился назад, так как его офицеры ему не повинуются, казаки устали и потеряли боеспособность. Полк. Цыганок

был отстранен от должности и отправлен в тыл для расследования его деятельности... Перешедший было в наступление противник был отбит. Все действия отряда в этот день выполнялись по плану начальника штаба подполк. Балуева, оказавшемуся сложным, не соответствующий по рельефу местности, ни настроению отряда. Нач-к отряда все же не был обезкуражен неудачей — наступление отряда было необходимо ему как воздух. Сидеть в нейтральной зоне долго нельзя, надо было или продвигаться вперед, или уйти в Грузию и интернироваться, что полк. Демьяненко считал преждевременным... Новая диспозиция указанная им была проще — фронт наступления на двух участках, разделенных мостом. Левый участок должен перейти реку, правый — начать свое движение по особому приказу. Резерв держать в середине, против моста...

Наступление началось утром 12-го сент. левым участком, вызвавшее контр-наступление красных, что не остановило казаков. На правом участке наблюдение показало, что противник снял здесь часть своих сил и передвинул их в сторону моря для усиления своего правого фланга. Бой продолжался целый день. Только утром 13-го началось общее движение вперед, причем выдвинутый из резерва линейный полк, перейдя реку, ворвался в Адлер, а правый участок вслед за ним вошел в с. Молдавское. Красные уходили на Хосту. Началось преследование противника...

В 10 часов утра прибыли, наконец, главные силы во главе с полков-м Старицким, они вошли в уже занятый Адлер, но ген. Фостикова с ними

не было. На вопрос полк. Демьяненко где ген. Фостиков?.. полк. Старицкий ответил довольно резко: — Не знаю. Шел все время впереди нас со своим штабом и — пропал. Ушел наверное в Грузию.

Полковнику Демьяненко он приказал заканчивать операцию, после чего он вступит в командование всеми силами. Войска отряда почти на плечах красных ворвались в Хосту и заняли ее, захватив богатую добычу в виде складов табака, муки и бочек с маслом. По взятии Хосты, из Грузии немедленно прибыли греки, заявившие, как хозяева, претензию на табак и масло. Нач-ник отряда эту претензию охотно удовлетворил, но с условием, чтобы греки, своим посредничеством помогли переправить в Грузию всех раненых, больных, стариков — беженцев и женщин и уступили бы для казаков немного табаку и масла. Греками условие это было принято...

...Относительно трофеев и перевозки раненых в Грузию, находим некоторые подробности в книге Бориса Шуцкого «Быль», где Д.М. Мариновский, стр. 191-я, том 2-й рассказывает: «...Когда фостиковцы захватили Адлер — на рейде стояло турецкое моторное судно «Тигарет Бахры». При осмотре судна казаки нашли на нем несколько большевицких прокламаций и, хотя владельцы судна и его команда были турки, не умеющие читать по русски, все они и судно были арестованы. Арестованные турки, через местных жителей обратились к нам (к «Черноморскому Комитету») за помощью. Совет начальников, обсудив дело, решил, что фостиковцы поступили

и несправедливо и незаконно, так как добровольцы в войне с Турцией не состоят и, следовательно, не могут захватывать турецкие суда как военную добычу. Поэтому единогласно решено было выручить арестованных и вернуть им захваченное фостиковцами судно. Операция эта была возложена на меня. Обдумав положение, я решил попытаться уладить дело мирным путем, если же это не удастся — сделать налет на Адлер, захватит судно, освободить арестованных и, как только « Тигарет Бахры » двинется в море, — скрыться в горах.

Подойдя к Адлеру и расположив свой отряд в кустах в полуверсте от города, я отправился к начальнику адлерского гарнизона полк-ку Вячеславову. Полковник принял меня очень любезно и быстро согласился освободить арестованных турок, что же касается судна — отказал наотрез. Это, хотя и не полное решение, значительно упрощало дело. Мне уже не нужно было нападать на фостиковцев, чтобы освободить турок, и оставалось лишь захватить судно, что было уже не трудно. Я не успел ознакомиться с тем, как охраняется « Тигарет Бахры », и поэтому отложил нападение на следующий день. Вечером Вячеславов вызвал меня к себе и просил, как бывшего моряка, принять команду над « Тигарет Бахры », погрузить на него раненых, которых уже подвозят из дер. Веселой и доставить их в один из грузинских портов. Вместе с тем он приказал выдать мне несколько тюков свежих кож и 700 пудов табаку для обмена в Грузии этого товара на патроны. Теперь дело становилось совсем про-

стым. Я распустил свой отряд, передал хозяевам «Тигарет Бахры» и их матросам, чтобы они направлялись в Гагры и ждали там моего прибытия, и начал погрузку. Раненых было более ста человек и прибывали они в ужаснейшем состоянии — еле перевязанные, с загноившимися ранами; у многих в ранах копошились черви. Среди раненых я обратил внимание на старого сгорбившегося человека, все время державшегося за грудь. Это оказался генерал черкес по происхождению, с простреленной грудью. Я провел его в капитанскую каюту и уложил на койку. Сейчас я не могу вспомнить его фамилию.

Вместе с товаром на судно прибыл молодой хорунжий, родственник Фостикова и заявил, что дело обмена товара на патроны поручено ему. Меня это мало интересовало, так как я был озабочен совсем другим. Дело в том, что кроме раненых, хорунжего и меня на борту был лишь один матрос с «Тигарет Бахры» — турок-механик. Значит, вести судно будем лишь мы двое, вернее — я один, а это не так просто. Мы снялись с якоря на разсвете. Только тут я спохватился, что у нас нет карты, нет компаса, и, что, самое главное, нет судовых документов и флага; не было на судне и продовольствия а воды оставалось всего пять-шесть ведер. Поэтому я решил итти в ближайший порт — Гагры. Перед Гаграми на рейде стоит большой парусник под советским флагом «Петр Великий» с грузом соли. Становимся рядом. Молодой хорунжий сходит на берег и через час является с грузинскими властями; грузины очень внимательно осматривают товар, выгру-

жают его, грузят на подводы, но принять раненых отказываются. Целый день проходит в безполезных переговорах; на мое заявление, что раненые ничего не ели целые сутки, никто не обращает внимания. После кошмарной ночи, проведенной сроди стонущих, бредящих людей, просящих воды и хлеба — утром я съезжаю на берег сам. Оказывается, что хорунжий пьянствует в Приморской гостиннице, совершенно забыв о раненых товарищах. Бегу к начальнику гарнизона. Это совсем молодой человек, капитан. Он обещает сейчас же прислать мяса и хлеба, но принять раненых отказывается. От него я узнаю, что здесь, во Временной гостиннице проживает председатель Кубанской Рады Тимошенко. Отправляюсь к нему, сообщаю о хорунжем и бегу на судно. Здесь уже раздают хлеб и вареную баранину. Тимошенко тоже присылает провизию и с ней казначея Рады Василия Васильевича Гоптарева, который отправится с нами в Сухум, где и будет вести переговоры о приеме раненых. Я с механиком турком наскоро шьем фантастический флаг — красный крест на белом поле, подымаем его и выходим в море. Турки, владельцы судна, не успели прибыть в Гагры и я через местных жителей просил их немедленно ехать в Сухум. На набережной в Сухуме нас ждет начальник милиции, бывший русский адвокат Захаров. С криками и угрозами он заявляет, что никакой высадки не допустит. Пока мы перепирались с этим русским человеком, появились подводы с грузинскими солдатами и, несмотря на протесты Захарова началась выгрузка раненых. Дальнейшее

произошло совсем просто: я передал туркам хозяевам их судно и благополучно вернулся к отряду... »

Само собою разумеется, что все эти детали, как об оперативных действиях, о которых мы имели лишь кое какие сведения — лишь по наслышке, так-же как и о разговорах с Тимченко, история с добычей при взятии Хосты, все это для нас — молодежи было известно лишь по рассказам других по той простой причине, что — безоружные. мы были размещены в сел. Веселом, в нейтральной зоне. В свободное от нарядов время мы помогали местным крестьянам в уборке урожая, главным образом винограда и всевозможных других фруктов в имениях и садах принадлежавших когда-то крупным московским кондитерам. Благодаря нашему общению и постоянному контакту с местными жителями, из разговоров с ними нам было известно о другом, о недоверии большинства жителей к нам — вернее к нашим начальникам, которых они приравнивали к тем « деникинцам », которые занимали черноморское побережье, реквизируя и забирая у крестьян все, что только попадалось им под руку, они ненавидели их почти так же, как и « разбойников » большевиков. Мне лично пришлось участвовать лишь в одной, небольшой военной операции, это — разведка в сторону Хосты, под руководством Куроша и Мыльникова. Подойдя к Хосте и, спешившись, мы, выходя из леса были атакованы из окопов красных сильным пулеметным огнем. Пришлось отступить, потеряв лишь одну лошадь.

Переправившись обратно через реку мы вернулись снова в сел. Веселое к крестьянам.

Полковник Старицкий, прибыв в Адлер только что занятый снова и, как старший, принявший командование всем отрядом распорядился, ввиду того, что после переговоров с Налетовым и Тимченко в Армии спасения России среди казаков пошли расколы, разговорчики и раздоры, вплоть до неповиновению начальству, особенно после суда над полк. Цыганок, дошедший чуть ли не до суда Линча, созвать верховное собрание офицеров для выборов верховного главнокомандующего на место сбежавшего ген. Фостикова. В день выборов произошло не мало событий, один другого знаменательных. Но, дадим слово есаулу Мыльникову, которому пришлось присутствовать на этом собрании: « Сообщают, что уже давно послано несколько гонцов в Крым и что должен был бы уже поступить оттуда ответ. Рассказывают так-же, что группа Фостикова наткнулась в горах на сопротивление и что сам Фостиков, бросив людей во время боя, бежал в Грузию. Во всяком случае, его группа здесь, а его самого нет. Полковником Старицким назначается совещание командиров частей, на которое случайно попадаю и я. « Генерал Фостиков отлучился от своей части, ничего не сообщив о своих намерениях, и не оставив кого либо своим заместителем. До сих пор нет о нем никаких известий, и поэтому мы собрались здесь, чтобы обсудить вопрос, кто-же примет на себя возглавление всеми нами ?.. » Единогласно выбран был главой всего нашего отряда полк. Крыжановский. Уже подписан был соответственный прото-

кол, как в залу, где происходило совещание входит адъютант: « Генерал Фостиков въехал со стороны Грузии в ваше распоряжение, и через несколько минут будет здесь ». Не веря своим ушам все бросаются к окнам и вот в этот то момент показался со стороны Гагр на своем вороном коне сам главнокомандующий ген. Фостиков.

?.. !.. ?. Сцена — напоминающая сцену Гоголевского « Ревизора ». Положение выясняется. Генерал Фостиков дает разъяснения, что якобы он был в Грузии для переговоров, относительно участи своих частей. Офицеры, бывшие с ним в горах и, — вероятно — знающие истинное положение дел при переходе перевала, кажется « Умпырь », когда Фостиков исчез, насмешливо улыбаются, но — молчат. Примерно в это же время в Адлер прибыл на миноноске из Крыма Генерал Шатилов и просил продержаться еще несколько дней. В Крыму уже знали из грузинских газет о том, что происходит в Адлере и, там уже готовится ескадра для того, чтобы придти нам на помощь.

Все то, что происходило в районе Адлера очевидно было небезизвестно большевикам. Возможно даже, что у них были свои разведчики среди казаков, да и приезд ген. Шатилова на миноноске не остался для них незаметным. Кроме того, в связи с ожидающейся высадкой дессанта обещанного ген. Шатиловым вблизи сел. Веселого начата была постройка, своего рода деревянной пристани для выгрузки военного материала. В Сочи, в то время сосредоточивалась огромная база военных

припасов, вплоть до броневиков, аэропланов и блиндированных автомобилей.

Генерал Фостиков, узнав, что со стороны Красной Поляны идут полчища красных, бросил в эту сторону кавалерию, которая, несмотря на ураганный огонь артиллерии, опрокинула нападавших и отбросила их далеко назад, Но тут появились блиндированные автомобили, против которых наша кавалерия оказалась безсильной, но все же благодаря кавалерийской контр-атаке наши войска избежали быть припертыми к морю у села Веселого, что было в плане большевиков. Почти одновременно со стороны Сочи вторая колонна двигалась в сторону Хосты и Адлера. Ураганный огонь с суши и с моря, при содействии аэропланов и броневиков сметал все на своем пути. Полки Армии Спасения России все же сопротивляются, как могут, экономя патроны и все чаще поглядывая в сторону моря. Не появятся, ли оттуда обещанные корабли. Но увы пала Хоста, пал и Адлер. К вечеру, наша единственная баррикада была уже лишь река Мзымта. Мост на ней был уже сожжен. С наступлением темноты, последним защитникам фронта было приказано итти в горы, перейдя речку Псоу. Эта реченка сама по себе не многоводная, но тут, с наступлением темноты полил такой ливень, что она превратилась моментально в горный поток, а его необходимо перейти вброд, чтобы не остаться опять на милость победителя. Мокрыми до нитки шли всю ночь подымаясь по растоптанной горно-лесной дороге и, лишь утром следующего дня, наконец перешли границу Грузии. Пограничный пост про-

пускал нас всех безпрепятственно, но оружие, особенно огнестрельное нужно было сдавать, прежде чем начинать спуск по направлении в Гагры. Появилось солнышко и — перед нами — открытое море и, что же мы видим : справа от нас появляются сначала отдельные дымки а потом уже видны очертания кораблей. Ясно видно, что они направляются прямо на Адлер.

Мичман Тарасов, шедший в нашей группе вскрикнув : « Что-же они делают ? ведь там теперь красные !.. » Отделяется от группы, садится на травку и, при помощи зеркала принимается подавать сигналы, направляя солнечные отражения « Зайчики » в сторону головного корабля. Достигли ли эти сигналы своей цели, не могу сказать, но вскоре после этого, корабли начали разворачиваться и уходить в открытое море. В это время с берега, со стороны Адлера раздалось несколько орудийных выстрелов, не причинивших эскадре никакого вреда. Выходит, что помощь из Крыма пришла с опозданием всего лишь на один-два дня. Само собою разумеется, что спускаться с горы было гораздо легче, чем при подъеме, но у меня случилось опять то же самое, что было весной, во время моих первых путешествий по черноморскому побережью. Опять растер себе ноги да так, что пришлось заканчивать спуск к морю, через Гагры босиком с ботинками через плечо.

Большое имение, в котором мы были интернированы в ожидании выдачи нас всех большевикам находилось неподалеку от моря и охранялось вооруженными грузинами. Выходить никому не

разрешалось. К вечеру второго дня, очевидно благорадя тому, что на наших плечах никего, напоминающего военных не было нам, группе молодых удалось все же приблизиться к берегу, где нам было возможно — даже выкупаться в море и мы, чувствуя близость эскадры, все время держались у берега. Начивает темнеть. К нашей группе приближается моторный болиндер, но, так как он не может приблизиться к самому берегу, то нас просят с болиндера принять « шкертик » (веревку). Мы послушно делаем все, что от нас требуют и, привязав « трос » (канат » к одному из прибрежных кустов, как настоящие акробаты, уцепившись за канат, вручную добрались до болиндера первыми. После быстрой разгрузки провианта (грузины разрешили доставить с кораблей провиант для интернированных казаков) наш болиндер моментально был наполнен до отказа подбежавшими казаками и не теряя ни минуты он отчалил от берега. Прибыв на транспорт « Дон » нас поместили в Трюме, откуда я уже не вылазил до самой Феодоссии, так-как мы — молодежь не были отобраны для « дессанта ».

Для более пространной информации об интернировании повстанцев следует обратиться опять таки к книге Савченко и перевести оттуда самое существенное, после чего привести так же воспоминания ес. Мыльникова.

...По слухам, циркулирующим среди повстанцев, тайное соглашение Фостикова с Грузинами заключалось в том, чтобы, в случае неудачи операци на побережье Армия могла бы « ворваться » в Грузию будто-бы с оружием в руках. Эта ин-

сценировка была сделана потому-что грузины боялись репрессий со стороны большевиков. Не успели мы перейти границу, как заметили в открытом море пять кораблей направляющихся на Адлер, но после того, как красные оттуда открыли по ним орудийную стрельбу, они скрылись за горизонтом.

По мере того, как мы приближались к городу, нас встречали местные жители грузины и, зная, что все мы голодны как волки, предлагали каждому из нас кусок хлеба или бутылку молока за бурку, за револьвер или шашку с серебрянным эфесом или с именной позолотой говоря: « все равно вам все это уже больше не нужно, так как вы все будете выданы большевикам ». Утешительно !.. не правда ли ?.. За лошадь давали немного больше, пользуясь теми же аргументами. Нас разместили в бывшем имении Игумного, реквизированном грузинским правительством, но кормить повстанцев отказались, ссылаясь на то, что Грузия — страна бедная и прокормить 25.000 ртов, она не в состоянии. « Мы сейчас обсуждаем этот вопрос с большевиками — говорят грузины — они требуют вашей выдачи, так, что они и должны выдавать вам пищу ». « Но это же бесчеловечно... Ведь существуют же некоторые военные законы и обычаи... Армия-перейдя границу нейтрального государства, и сложив оружие, автоматически переходит под защиту этой нейтральной страны. Если вы нас выдадите, то это будет равносильно измене... Это значит, что вы не нейтральная страна, что вы находитесь в союзе с большевиками ». « Ничуть !.. мы не союзники

большевиков, но мы связаны с ними договором... В силу 5-го параграфа нашего договора с Москвой, мы не имеем права давать приют антибольшевикам... » « Вопрос не в "приюте", мы — интернированы, и, это уж совсем другое... ». « Тогда идите сами дать понять большевицкому командованию все это. Вот уже два дня как мы спорим с ним ». Вот что твердят нам большевики : « Выдавайте нам армию Фостикова без разговоров, или мы считаем, что Грузия нарушила свой договор с Москвой ».

Один грузинский офицер, бывший офицер Российской Армии поведал нам под строгим секретом : « Вы будете выданы большевикам. В принципе вопрос этот уже решен. В настоящий момент остается лишь выработать условия вашей выдачи. Наше правительство желает, чтобы большевики возместили нам наши убытки, причиненные вашим присутствием. Наше командование пыталось настаивать на том, чтобы большевики не учиняли бы массовых разстрелов, но те им ответили, что этот вопрос с вашей стороны составляет вмешательство во внутренние русские дела.

Фостиков в Гаграх не переставал вести переговоры с грузинским правительством. « Раз вы не имеете возможности прокормить мою голодную армию, так разрешите тогда мне связаться с эскадрой, она нам пришлет провизию. — Это невозможно... Вы думаете только о себе, но подумайте немного и о нас. Вы нас толкаете на войну с большевиками... »

Нам нужно было во что бы то ни стало взять

инициативу в наши руки. Благодаря посредничеству какого-то доброго человека нам удалось секретно достать лодку, в которой один из наших офицеров должен был добраться до эскадры, объяснить там наше положение и — попросить у них помощи.

Наконец грузинами были объявлены официально, результаты их переговоров с большевиками : Грузия решила таки нас выдать. Было зафиксировано место этой операции. Грузия должна составить точные списки каждого в отдельности, где должно быть указано : имя, отчество, отчество отца, звание, чин, часть в которой служил и прочие и прочие детали... Для подготовки всего этого они дали два дня, прижде чем приступить к выдаче...

Всего лишь два дня... Доберется ли наша лодка до караблей ?.. тем более что тут еще подул ветер и море стало угрожающим...

Мы приняли твердое решение — не сдаваться. Правда, у нас очень мало оружия : на 25.000 человек не больше, чем 200 карабинов, которые кое кому удалось провезти через границу, припятав его в бурке. Две-три тысячи патронов и, некоторое количество шашек. Мы составили наш план : сгруппировать всех вооруженных, в последний момент атаковать грузин, пополнить наше вооружение и уйти в — грузинские — же горы. Во время этой группировки, ни один голос не высказался против нашего проэкта. То же самое произошло когда Кубанский атаман Иванис, будто бы участвовавший в переговорах с большевиками, уверяя, что большевики согласились амнистиро-

вать простых казаков, предлагал офицерам и начальникам (будто-бы с согласия грузин) свое посредничество и помощь для их бегства в горы, чтобы там переждать некоторое время, после чего они смогут постепенно разсосаться среди грузин. На это ему было отвечено : « Этого не будет. Вместе мы поднимали возстание; теперь же — вместе пойдем и погибать ». Иванис, после этого уверял, что мол, надеяться на помощь с кораблей нельзя, так как Грузия никогда не разрешит им приблизиться к берегу, поэтому она и ушла в Крым. Но мы все таки были уверены, что эскадра не могла уйти без нас. На этом наш разговор с Иванисом был закончен. Его предложение не соответствовало долгу и чести наших начальников, и мы разошлись.

Подходим к нашему « табору ». Оттудра слышим тысячи возгласов : « смотрите дымки на море. Это флот приближается ». Все бросаются к берегу, отстоящему от нас с версту. Грузинская стража бросается вслед за казаками и требует немедленного возвращения в лагерь. Один грузинский офицер просит одного из наших начальников, чтобы тот убедил толпу, иначе может произойти непоправимое, так как сейчас происходят переговоры с эскадрой. С большим трудом, фактически помогая грузинам нам удается возстановить порядок.

Эскадра становится на якорь, но далеко от берега. На горизонте едва можно различить пять точек — пять кораблей. Моторная лодка вышла из Гагр и быстро скользит по волнам направляясь к флотилии. Фостиков присылает нам наскоро

набросанную записку приблизительно такого содержания: « Переговоры продолжаются. Эскадра требует от Грузинского правительства согласие на нашу погрузку. Грузины колеблются. Этой ночью с эскадры пришлют провизию для распределения ея по армии. Я думаю, что ситуация принимает теперь совсем другую форму ». На самом деле, нам присылают, от грузинского командования приказ прислать на берег к 9 часам 30 человек для разгрузки провианта. Точно в 9 часов подходит болиндер. Ящики с провизией быстро разгружаются и болиндер отчаливает, но не пустой, как было приказано, на него успели погрузиться примерно триста человек. В эту ночь у нас был праздник. Насытились и хорошо выспались.

Утром мы узнаем, что два казака, воспользовавшись темной ночью, разделись и, перекрестившись пустились вплавь, надеясь достичь ескадры. Удастся ли им это ?.. Мы любуемся морем, доброе, симпатичное море.

Но что это там ?.. Вырисовывается какая то точка; точка растет, увеличивается. Да это же моторная лодка идет с эскадры, и направляется прямо на нас... Толпа собирается на берегу. Лодка причаливает к берегу. На борту ея стоит морской офицер в парадной летней форме при кортике.

« Могу ли я поговорить с представителем грузинского командования ?.. » — « За ним уже послано. Он должен прибыть немедленно ».

Моряк держит в руках сверток бумаги. Вид у него величественный. Без движения, не шевелясь ждет он представителя от грузии. Наконец подъ-

езжает конный Грузин. Оба офицера отдают друг другу честь. Морской офицер что то говорит и, вручает грузину сверток. Снова отдают друг другу честь и моряк поворачивается к своей лодке, тогда как грузин поскакал по направлению к Гаграм. Несколько офицеров окружили моряка и закидали его вопросами « В чем дело ?.. Как ? В каком состоянии дела ?.. — Я им вручил ультиматум. Грузины должны выразить их согласие на вашу погрузку. Иначе, генерал Врангель объявляет войну Грузии и мы вас забираем с оружием в руках. Срок ультиматума — 12 часов. Но — только, я — парлементер и не имею права с вами разговаривать ». В этот момент он берет под руки двоих из офицеров, находившихся рядом с ним и сажает их в лодку. Нужно же было случиться, чтобы одним из этих офицеров оказался я.

Лодка отчаливает, и отходит от берега. Грузины, заметив, что у них украли двух пленников, кричат что-то по нашему адресу, но наша лодка дала полный ход и мчится во всю в сторону кораблей. Через час мы уже были на миноносце. Офицер, захвативший нас с собою — отрапортовавшись, дал отчет о своей миссии своему начальству. Что же касается нас, то мы были встречены с большим почетом с выстроившейся на палубе командой, и с поздравлениями.

Не знаю, с каких времен уже мне не приходилось пить такой вкусный кофе да еще и с печеньем и даже с ликерами...

« Все наше дело могло повернуться совершенно иначе, если бы вы подошли всего лишь на два-три

дня раньше... Только лишь на два-три дня... — Это было невозможно... Нужно было подготовить все, что вам должно было понадобиться : орудия, пулеметы, патроны, снаряды, одежда, провизия. Все это мы должны были вам доставить. Все это находилось в различных магазинах, разбросанных по всему Крыму... Корреспонденция, анкеты, на все это уходило много времени... Что же вы хотите ?.. Теперь постараемся вызволить вас из вашей беды... »

Узнаю, между прочим, что лодка, посланная на разведку, благополучно достигла эскадры. Это-то и позволило нам войти в курс дела и, ускорить наше вмешательство.

Скоро двенадцать; срок ультиматума кончается. Все ждут с нетерпением ответа. На кораблях все готово для начала действий. Двеннадпать часов.

Радио сообщает, что Грузины просят продлить срок ультиматума, так-как правительство еще не закончило свои переговоры.

Мы отвечаем : ультиматум остается в силе, срок продолжен до 3-х часов пополудни. Однако, так как казаки должны что-то покушать мы требуем, чтобы нам разрешили послать для них на болиндере провизию.

— Согласны, — отвечает радио. С условием, что болиндер отчалит от берега сразу же после разгрузки провизии. — На этом мы и закончили разговор.

Продление срока нам было на руку, так как мы уже подготавливали « десант ». Бегство 300 казаков прошлой ночью, было нам тоже кстати, и это

как раз они будут посланы в десант. Заметим мимоходом, что два казака, рискнувших вплавь доплыть до эскадры, благополучно достигли своей цели. Среди беглецов, было несколько офицеров. Полковник Улагай, как старший в чине был назначен руководителем этой экспедиции.

Наш план был очень прост и хорошо обдуман. Вместо провизии мы посадим на болиндеры 300 хорошо вооруженных казаков с несколькими пулеметами. Каждый имел точные указания. Мне выпала роль « организовать берег », как выразился полковник Улагай, командующий десантом.

В 2 часа болиндер, нагруженный пулеметами, винтовками и патронами, а так же и 300-ми вооруженными казаками отчаливает от « Дона ».

В 2 часа 45 минут моторный болиндер причабивает к берегу. Из него выскакивают казаки и выстраиваются с криками « Ур-ра » боевым порядком.

Грузины, заставшие врасплох, повернулись и пустились бежать. Но, пробежав некоторое расстояние опомнились, и открыли стрельбу. Артиллерия Гагр вмешалась в свою очередь. Эскадра отвечает своими дальнобойными орудиями... Погрузка началась. Вопрос о « береговой организации » даже не может быть поставлен. Через пять минут болиндер полон. Отчаливает. За ним второй, третий. Поздно ночью, погрузка продолжается. Грузины получили подкрепления, несколько раз, при криках « Ура » грузины бросаются в атаку. С нашей стороны — уже человек 30 раненых, были и убитые.

Подул ветер. Поверхность моря становится все

более и более волнистой. Становится все более и более трудным причаливание к транспортным суднам. Темная ночь еще замедляет операцию. А на берегу остается еще около 17000 всадников с их лошадьми. Пытаемся грузить лошадей. Увы!.. У нас не имеется для этого соответствующих приспособлений. Наш помост не выдерживает. Несмотря на все наши усилия, за целый час мы успели погрузить лишь шесть лошадей. На заре, на берегу остались лишь несколько тысяч лошадей, брошенных, зачастую со слезами на глазах своими хозяевами-казаками.

Посмотрим, что говорит об этом самом есаул Мыльников.

« ...Выходим на пост № 310, куда мы и должны были направиться. Перед нами гребень, в гребне узкий проход. Стоят грузины — пост. Нам отдается приказ « винтовки сдать. Казакам сохранить холодное оружие. Офицерам спрятать револьверы так, чтобы их не было видно ». Проходим пост, заворачиваем круто направо и опять идем к морю. Выходим на шоссе и скоро проходим через Гагры. На улице в Гаграх слышу возглас : « да вы донцы ?.. » Вступаю в разговор. Сообщают : « Тут в Гаграх ваш... (называют фамилию одного из членов Круга сильно левого направления) — большую роль при социалистическом правительстве Грузии играет, вот тут живет ». На всякий случай — запоминаю. Проходим Гагры, сворачиваем к морю и, выходим на мыс. Это — так называемое имение Игумнова, где нас и интернируют, со стороны суши нас охраняет грузинская пехота. По берегу цокают по гальке, кажется, два

грузинских ескадрона. Вот теперь только подходит, наконец наша эскадра, как говорят, разброcанная бурею и, поэтому запоздавшая. Вот вспомогательный крейсер « Алмаз », вот транспорта, а тут, кажется и подводная лодка. Ведутся переговоры. Скоро узнаем, что грузины на отрез отказались дать нам возможность погрузиться на пришедшие транспорта и, что в Гаграх уже сидит красная делегация, требующая нашей безусловной выдачи и угрожающая Грузии в противном случае чуть не войной. Вернее всего — нас выдадут.

Нужно что-то предпринимать на свой страх и риск. Обсуждаю созревший план с вахмистром и несколькими своими ребятами. Ночью прохожу через грузинскую охрану, а поутру стараюсь добраться до того члена Круга о котором мне рассказывали в Гаграх. С некоторыми препятствиями мне это удается.

« Я такой то. У меня сто человек донцов на руках, всем нам угрожает верная смерть, если мы будем выданы красным. Мы стремимся в Крым. Нельзя ли достать лодку — Фелюгу которая нас туда доставила-бы. Отдадим лошадей и снимем с себя все, до последней нитки... Может быть имеются еще какие нибудь возможности спасения ?.. Вы — донец. В ваших жилах такая же кровь как и у нас... Помогите !.. » Выслушал. « А зачем, собственно говоря, вы хотите уезжать в Крым ?.. Я имею достоверные сведения о том, что Крым падет, падет через 2-3 недели. Оставайтесь здесь. Я смогу вас устроить отдельной сотней при грузинской армии ». « Очень вам благодарен, но

я знаю, что казаки на это не согласятся. У каждого из них имеются в Крыму сослуживцы, братья, и они стремятся в Крым». Мы говорили довольно долго. Мне кажется, что мне удалось его убедить, но, быть может я и ошибаюсь. « Мой окончательный ответ, что можно сделать, я дам вам завтра вечером ». И он указывает мне способ, каким я получу его ответ. С наступлением темноты иду обратно. Но мой обратный путь проходит несколько неудачно. Добираюсь до своих с острой болью в плече и в боку, куда попал приклад кажется какого то грузина. Пробую задремать.

Часов в 8 меня зовут в штаб. Являюсь к полковнику Старицкому, начальнику штаба и заместителю г. Фостикова (последний уже на транспорте). Происходит такой разговор : « у вас надежные люди, на которых вы можете вполне положиться ?.. » « Так точно, господин полковник. — Вы и ваши люди назначаетесь на разгрузку шаланды с провиантом, которая должна подойти к берегу. Грузины это разрешили, ввиду того, что наши люди голодают. Имеют ли ваши люди холодное оружие, и хорошо ли оно отточено ??? — так точно, господин полковник, но разрешите спросить... — Ориентируйтесь на месте. Можете итти ». Иду и думаю : « Надежные люди... разгружать провиант... хорош ли отточены шашки ?.. » Что-то непонятное.

В назначенный час вывожу людей к берегу. Грузины пропускают нас даже на гальку и становятся за нами. От транспорта отходит шаланда. Ведет ее маленький портовый буксир « Доброво-

лец». Он ловко разворачивается и, шаланда тыкается носом в грунт, но до берега не доходит. Сверху на шаланде видно несколько ящиков с консервами и два-три мешка муки. Людей на шаланде только двое. Оттуда кричат: «Пришлите людей, что бы сбросить сходни!..» Четыре человека идут в воду, влезают по канату на шаланду, заглядывают во внутрь, и я вижу на их лицах изумление. «В чем-же дело?..» Люди скрываются в шаланде, но вскоре вылезают и при помощи двух, стоявших прежде на шаланде людей, сбрасывают в воду большие, широкие сходни.

«Да в чем-же дело?.. чорт возьми!.. ?..» ответа я не получил.

Вдруг из шаланды вырывается пехота, засученные по колена штаны, через плечо-патронташи, в руках — винтовки. Ура-а!.. !.. Это наши, погруженные прошлой ночью. Поворачиваюсь и кричу: «Бей охрану!..» Выстрелы, крики. Ближайший к нам офицер-грузин успел сесть на коня, но мой вахмистр вскакивает на круп лошади сзади, хватает офицера за шею и начинает его душит. Конь бьется, и оба падают. Несколько казаков с шашками окружают грузинскую охрану и кричат: «Сдавайтесь!..» Проходит 10-15 минут, и все кончено. Грузины обезоружены. Наши потери — несколько легко раненых. Из шаланды еще тянется наша пехота. Иду сообщить полковнику Старицкому — о благополучной разгрузке «провианта». Перед нами стоят несколько грузинских офицеров. «Видите — крейсер "Алмаз" и подводная лодка навели орудия на Га-

гры ?.. Видите ?.. !.. » Полковник показывает на море.

Наша пехота раскидывается в цепь. Тянут пулеметы. Одной из наших частей раздаются привезенные винтовки. Полковник продолжает : « Мы начинаем сейчас грузиться и уйдем. Но, если только вы что либо против нас предпримите, то орудия начнут обстрел города, а я прикажу пехоте его занять и не оставить в нем камня на камне. Грузинским офицерам возвращаются их лошади, и они скачут в Гагры.

Мне потом передавали, что по возвращении из Гагр, они говорили полковнику Старицкому : « Гаспадын палковнык... нэ можым нэ стрылять. Красная дылыгацыя сыдыт, на тыбы в окно смотрыт. Разрышы стры-лять. Мы в тэбэ попадать нэ будэм ». На это им было отвечено : « Стреляйте !.. Но смотрите, если хоть один снаряд упадет близко — сами будете виноваты ». Действительно, какая то горная батарея стреляла, но она взяла перелет с версту и долбила в море по дельфинам, а мы спокойно продолжали погрузку.

Погрузились. Идем. Плывут мысли. Что-то нам готовит Крым ??. В начале, до нашего отхода в горы, у Фостикова можно было сосчитать 30-40 тысяч. Выехало нас в Крым всего лишь несколько тысячь. Остальные исчезли на Кубани. Вспоминаю, как красные издевались над нами : « На шкуре (ген. Шкуро) не удержались, а на хвостике и не уцепитесь ».. » Не уцепились... На этом горьком замечании обрывается дневник есаула. Но, как бы ни было горько это замечание, весь его подвиг, и подвиг его соратников не был тщетным.

За героями-партизанами, действовавшими в тылу у красных в 1920 году появились герои последующих дней безпрерывной борьбы с советским строем. И до того времени, покуда не падет ненавистная власть коммунистов в Москве, не прекратится эта героическая борьба, окончанием которой может быть лишь одно — спасение Родины и ея возрождение!..

Этими словами закончил Владимир Степанович Мыльников свои воспоминания опубликованные в 1954 году под псевдонимом девичьей фамилии своей матери « Планидин » в аргентинской газете « За Правду ». Вырезки из этой газеты мне были присланы из Бразилии супругой покойного Вл. Ст-ча уже после его смерти в 1974 году.

Будучи уже на транспорте « Дон » мы (молодежь) абсолютно ничего не знали ни о « дессанте, ни о боях с грузинами. За это время нам удалось хорошо отдохнуть и подлечить свои ноги. Лишь по прибытии на « Дон » казаков с боем грузившиеся на шаланды, от них мы узнали о происшедшем.

Прибыв в Крым, нас разместили в каком то пригороде Феодосии и, в первую очередь повели в городские бани. Это не было роскошью, так-как вот уже несколько месяцев, как мы не видели мыла. Да кроме того, и наша одежда, после долгого скитания по лесам и горам Северного Кавказа превратилась в нечто, похожее на настоящие лохмотья. Выходя из этого весьма полезного учреждения города Феодосии, уже хорошенько вымывшись и, кое как приодевшись, нас окружает собравшаяся толпа, главным образом моря-

ков-матросов. Среди них я узнаю двоих, моих сверстников по « техникуму » — Гр. В-ва и Ф-ра М-ко в безкозырках, на георгиевской ленте которых красуется золотыми буквами надпись « Алмаз ». Само собою разумеется, тут же разговорились. От них я узнал много интересных и очень важных для нас новостей. Главное — это истинное положение на фронте. Они мне объяснили, что Перекоп находится накануне окончательного падения. « Продержится ли он еще две недели ?.. » В данный момент идет усиленная подготовка к эвакуации и перевозке « всех » заграницу. Но, опять-таки создается вопрос : хватит ли мест на пароходах для того, чтобы перевезти всех ?.. Правда, судя по газетным сведениям, положение может измениться, ввиду того, что с Кавказа прибывают свежие силы ». Это был намек на наше « пришествие ».

Ну !.. Уж если ничего другого не осталось для спасения фронта как надежда на нас, еле влачащих ноги, то это значит, что мы, только что прибывшие в Крым должны спасать положение, то есть прикрывать, удерживать фронт во время эвакуации — погрузки на пароходы. Получается что-то похожее на весеннюю, Новороссийскую погрузку, когда самим-то защитникам и не хватило мест на пароходах и они были брошены на милость победителя. Мои приятели посоветовали мне поступить во флот и обещали свое содействие перед корабельным начальством, у которого они сами были на хорошем счету.

До сих пор твердо веривший в победу здравого

смысла, веря тому, что коммунистическая власть никак не сможет привиться в такой стране, как Россия, я начал сомневаться в самом себе. В один момент целый рой мыслей пронесся в моей голове. Как-же так, Добровольческая (белая) Армия, заняв весь юг России, не говоря уж о Кавказе, успешно продвигалась вглубь России и, уже приближаясь к Москве, вдруг повернула назад. Почему ?.. Винить в этом никак нельзя молодежь, не задумываясь отдававшая свои жизни во имя своей Родины, веря своим начальникам и вождям. К великому сожалению главные то вожди, храбрые и опытные генералы оказались незавидными организаторами тыла, поэтому они делали крупные промахи, большие ошибки, которые всякий раз немедленно же были использованы большевиками для своей пропаганды. Не менее крупную ошибку (если не сказать большего) сделал и ген. Фостиков, когда, после высадки десанта из Крыма пол. Крыжановский предложил ему свой план — сразу-же, не теряя времени атаковать Екатеринодар, дабы помочь десантникам. Как старший в чине генерал от этого проэкта категорически отказался. « Удобный момент » был пропущен. Большевики, будучи накануне перемирия с Польшой, послали крупные подкрепления на Таманский полуостров, разбили и, заставили дессант погрузиться на корабли, после чего « по очереди » разбили и Фостикова и Крыжановского. Вспомнив так-же Новороссийск, Сочи и Адлер я решил воспользоваться предложением друзей и — превратиться в матроса. Для этого необходимо было представить удостоверение от начальства о том,

что никаких препятствий не имеется для поступления во флот.

Прямым моим начальником был есаул Мыльников. Вот к нему то я и решил обратиться, как бы за советом, зная его как человека честного, порядочного и справедливого. Выслушав мой доклад, он, как бы в недоумении почесал себе затылок, потом, подумав немного произнес : « Видите ли, по закону, особенно в военное время такого удостоверения выдать — я не имею права. За это я мог бы попасть под военно-полевой суд, но ввиду шаткого, почти безвыходного положения в Крыму, для вас, я это сделаю ». Этими словами он подтвердил то, что мне говорили мои друзья (о критическом положении Армии генерала Врангеля). Написал. И уже подписывая мое удостоверение — добавил : « Ах !.. Как бы я желал быть на вашем месте !.. Но мне — никак нельзя !.. У меня большая ответственность !.. Я не могу !.. »

В это время я заметил две серебристых слезинки скатывались на его золотистую бородку. Поборов свое волнение, он — пожелав мне успеха, крепко обнял меня как брата на прощание и, я покинул его не без сожаления. Налегке, так как кроме только что полученного удостоверения, никакого багажа у меня не было, я почти бегом направился в сторону порта.

Рой мыслей безпрерывно гонится за мной : конечно, перспектива попасть на корабль, да еще и динамо — машинистом была для меня более чем заманчива, а с другой стороны — где-то в глубине, в подмозжечке, что-то подсказывает : « А хорошо ли ты поступаешь по отношению

твоих товарищей по несчастью, по отношению к тому же Мыльникову. Ведь он относился к тебе не как к подчиненному и, даже — еще на Кубани — в горах, во время отступления он « грозился » сразу же по прибытии в Крым ходатайствовать перед высшим начальством о представлении тебя в офицерский чин. Как он выразился : « Прямо в хорунжие ». На это ты ответил, правда, в виде полушутки : « За чинами то я не гонюсь, или что-то вроде этого. Так оно и вышло на самом деле. Через час я уже стал, (как выражаются моряки) « сильно каторжным матросом », а менее чем через месяц был уже в Африке — в Бизерте.

При проходе через Босфор, вспомогательный крейсер « Алмаз » в числе команды которого я покинул Севастополь, простоял на рейде в проливе у самого Константинополя более десяти дней. Вся команда успела побывать в городе, имея на это разрешение и отпуск, кроме меня, отказавшегося от отпуска, считаз, что мы еще не достаточно далеко отошли от « земного рая ». И это, несмотря на острое желание побывать на берегу и посетить, если это возможно, Св. Софийский собор, и конечно повидать город, Золотой Рог и прочие достопримечательности турецкой столицы.

Подтверждение заключительного слова есаула Мыльникова я имею возможность привести из рассказа одного горца, осетина с которым меня свела судьба уже после второй Мировой войны, и которому я верю, так-как в молодости мы с ним учились в одном училище и, правда с трудом но все же узнали друг друга более чем двадцать лет спустя и, уже в Париже.

« Петр М. северо-кавказский горец, но православный, осетин по происхождению, по приходе немцев на Кубань, как и многие его сверстники ненавидевшие Советский строй, воспользовался случаем чтобы войти в состав Освободительной Армии генерала Власова, в чине лейтенанта. После крушения гитлеровской армии он находился в Лиенце до тех пор, пока английское командование не пригласило всех русских офицеров находившихся в лагере поехать, якобы на конференцию, касающуюся приема пленных в английскую армию.

Поверивши в легендарную честность и порядочность джентльменов англичан, он, в числе других офицеров ничего не подозревая погрузился в подведенный им военный грузовик. Узнав, что их везут совершенно в другую сторону а не в сторону Шпиталя, где должна состояться конференция и, поняв, вернее догадавшись о том, куда их везут, многие из « пассажиров » предпочли верную смерть чем возвращение на родину. Многие из них разбились насмерть или же были покалечены, но нашему осетину посчастливилось, он отделался лишь легкими ушибами.

Прячась в кустарниках и зарослях он сумел удалиться на достаточно большое разстояние от дороги, чтобы не быть замеченным могущей быть страже. Продвигаясь все время на запад, избегая населенных пунктов, но в поле не брезговал помогать крестьянам на полевых работах, которые его подкармливали чем могли и, таким образом, после долгих блужданий ему удалось достичь Франции и придти в Париж, зная, что в

Париже живет много русских эмигрантов. Его Величеству Случаю угодно было, чтобы добрые люди привели его ко мне в мастерскую, где мы в конце концов распознались, что в молодости мы были с ним в одном классе. Само собою разумеется, что он, не имел никакий профессии и, даже, не имея документов на право работы, мне пришлось научить его чинить и красить автомобили и попутно — узаконить его пребывание во Франции.

Проработал он со мною больше года прежде чем покинуть меня, но все-же мы с ним встречались довольно часто в течении нескольких лет, пока он работал в Париже уже по специальности. Мы с ним часто беседовали, правда, на разные темы, но — главная тема наших разговоров сводилась почти всегда на то, как мы дошли из Майкопа, где мы, когда-то сидели за классным столом, до Парижа, но пути наши, хотя и имели некоторое сходство, ни во времени в действиях не могут быть сравнимы, несмотря на тождественность наших идей, наших стремлений. Вот что мне довелось узнать из его рассказов.

После поражения Армии « Спасения России » и нашего ухода через хребет на Черноморское побережье, потом в Крым и, оттуда сразу же попав на чужбину мы думали (в то время), да и не только мы, но и вся Европа с нами, что наше поражение положило конец борьбе с коммунизмом внутри СССР и, что весь русский народ, оставшийся в своей стране сразу-же признал и одобрил (по мнению многих) Советский режим и идеи Маркса и Ленина; но на самом деле, как

мне поведал мой осетин, дело происходило совершенно иначе. Лишь страх перед жестоким террором, раскулачиванием и искуственным голодом заставил смириться население с режимом насилия и обмана. Поднявшееся стихийное народное восстание в 1920 году, менее чем через месяц после прихода на Кубань красных было лишь началом активной партизанщины, которая продолжалась после нашего ухода еще много лет. Мой собеседник уверял меня, что он сам (и я ему охотно верю) в числе небольшого, самостоятельного отряда продолжал вести активную борьбу с большевизмом, скрываясь в горах и лесах еще в течении более трех лет, прежде, чем смириться с режимом и стать мирным советским гражданином. (Конечно, до поры — до времени.)

К сожалению я потерял его следы еще в пятидесятых годах. Когда я зашел к нему в последний раз, — он был в слезах, тоскуя по родине, по своему родному Кавказу. Я попытался его успокоить, но это был напрасный труд. После этого он исчез, — как в воду канул.

Спустя некоторое время я узнал от других кавказских горцев что он поступил в Американскую Армию и, уехал в Германию, в американскую зону.

Что с ним теперь?.. Удалось ли ему, достичь своей цели, так-же повидать Кавказ, свою родную Кубань и все то, что ему... так-же как и нам всем было так дорого.

ЗАМЕТКИ ВНЕ ТЕКСТА

1) Полковник КРЫЖАНОВСКИЙ Вячеслав Григорьевич. По всей вероятности был выдан большевикам в Лиенце в 1945-м году. Один очевидец « Терец » мне написал из Америки нижеследующее: « Полковника Крыжановского я встречал в Лиенце. Он был представитель генерала Краснова и занимался пересылкой желающих в Казачий Стан. Посылали туда всех желающих как казаков, так и не казаков. Последний раз я видел полк. Крыжановского в Лиенце. Он был там со своим малолетним сыном. Старик в нем души не чаял. Супруга его была (как говорили) гораздо моложе его и умерла преждевременно, так-что сыночек был просто — безпризорный ».

Это все, что я смог о нем узнать.

2) Есаул МЫЛЬНИКОВ Владимир Степанович. Также был при ген. Краснове. Вот, что писал он мне в конце 1964-го года: « До сих пор благодарю Господа Бога, что запоздал на две недели и задержался в Вене. Я ехал из Берлина с личным письмом Семена Николаевича Краснова к Петру Николаевичу Краснову под начальством которого я когда-то служил. Бог спас от Лиенца, а иначе, гнили бы мои косточки где нибудь на Воркуте. Последнее время он жил в Бразилии, в Сан Паоло и там же скончался скоропостижно 12 августа 1974-го года.

3) Полковник, потом — генерал Майор СТАРИЦКИЙ Влад. Иванович умер в Нью-Иорке 16-го мая 1975-го года. До этого он был ампутирован на обе ноги, но доживал свою жизнь у добрых людей, которые за ним ухаживали как за своим родным.

4) Что-же касается генерала ФОСТИКОВА, то — по полученным сведениям (из разных источников), жил он спокойно в Юго-Славии где и умер в 1966-м году. Два его сына, во время войны сороковых годов служили в рядах партизанских отрядов Тито.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Толчком к описанию вышеизложенного послужила публикация некролога о кончине генерала Мих. Арх-ча Фостикова в № 67 « Родимого Края »

за ноябрь-декабрь 1966 года подписанного Полковником Ф. Елисеевым, где, после описания, если можно так назвать его послужного списка: (В войну 1914 года был произведен в чин Войскового Старшины а в 1919-м году был произведен в чин ген. гон. майора, уже при ген. Деникине). . . .

...9-го февраля 1920 года в бою с красной конницей во 2-м Кубанском конном корпусе генерала Науменко, в селе Красная Поляна Ставропольской губернии, вновь ранен, « кажется » в десятый раз и эвакуирован в свою станицу (Баталпашинскую).

В марте того-же года, при отходе Кубанской Армии на Черноморское побережье через город Туапсе — был отрезан от нее и ушел на юг, в горные станицы. Террор красных толкнул казаков бежать в горы. « Популярный » в Войске храбрый генерал Фостиков объединил разрозненные отряды казаков в Повстанческую армию. Вначале борьба была успешна. Повстанцами был занят обширный район горных станиц. Борьба продолжалась до самой осени. Но сосредоточенная сила красной армии оттеснила казаков в горные трущобы. Через перевал Псеашха, проходимый только летом, через Кавказский хребет — казаки вышли на Черноморское побережье, выбили красную армию и заняли городки — Красная Поляна, Романовск, Адлер и Хоста, т. е. тот район, где погибла Кубанская Армия в марте месяце того-же года.

Для повстанцев — это был только « этап », Изможденные казаки, плохо вооруженные, мно-

гие с семьями — искали исхода. Единственный исход был — переброска в Крым. Дипломатическим путем, генерал Фостиков вошел в пределы Грузии с несколькими тысячами повстанцев, куда своевременно прибыли корабли из Крыма и подобрали их. В Крыму генералом Врангелем Фостиков произведен был в генерал-лейтенанты. ...»

Прочтя этот некролог, подносящий венки и лавры генералу Фостикову, главному виновнику нашего поражения, а так-же и поражения дессанта, посланного генералом Врангелем из Крыма в устья Кубани, т. е. на Таманский полуостров летом 1920 года я возмутился; но для того, чтобы проверить, что мои убеждения об этом эпизоде не единичны, я поехал за полтораста киломитров от Парижа, в деревню, где проживал в то время один из моих друзей и соратников Петр Меркулович Гладков. Основатель и организатор Кубанской Кассы Взаимопомощи в Париже он был безсменный председатель ея до самой второй мировой войны, и одно время полковник Елисеев был его помощником.

Едва П.М. прочел этот некролог, как — буквально пришел в ярость, настолько его возмутило то, что он прочел и, что — *абсолютно* не соответствовало действительности. Будучи уже довольно серьезно болен он попросил меня заняться этим делом и обязательно написать Елисееву опровержение его некролога и возстановления истины. Я — в конце концов согласился при условии, что мое письмо будет подписано им самим, так-как мне никогда не приходилось встречаться с автором этого « некролога ».

Когда мое письмо прибыло в деревню для подписи, П.М. был уже в госпитале и его здоровье висело на волоске, поэтому жена его не сочла нужным, ни возможным, передать ему это письмо и оно мне было возвращено нераспечатанным лишь в день его похорон. После всего этого мне не оставалось ничего другого, как добавить сообщение о смерти Гладкова и отправить его по назначению.

Ответ не заставил себя ждать. В своем письме Федор Иванович сообщил мне, что он « отлично » знал генерала Фостикова, так-как в свое время вел с ним переписку и получил от него с десяток писем. Спрашивается, как мог он, будучи в то время в Сибири, в плену у большевиков, судить о возстании на Кубани ? Ведь он сам пишет, что ему удалось пробраться в Финляндию лишь гораздо позже. Признаюсь, что до этого мне и в голову не приходило вмешиваться в историю, считая, что это дело « старших » да, правда, и времени то у меня на это не было свободного.

К.К. Зродловский, бывший курсовой офицер Кубанского, имени генерала Алексеева — военного Училища, участвовавший с училищем в дессанте на Тамань, с которым мы часто беседовали, настаивал на том, чтобы я написал историю нашего возстания главным образом в назидание его бывшим воспитанникам. Борис А. Богаевский тоже просил написать этот эпипзод, таким, как я его видел для его « Родимого Края ». Не говоря уже о Вл. Ст. Мыльниковым, с которым мне случайно удалось завести переписку, он через океан — из Бразилии благословил меня обеими

руками — как он выразился — на это святое и правдивое дело.

Вот почему — этот эпизод, этот документ, необходимый для комплектования допущенных « старшими » пробелов и ошибок (вольных и невольных) в истории Российской Революции, для оповещения широкой публики я и решил выпустить в свет мои воспоминания пользуясь лишь тем, чему сам был свидетель и участник а так-же и теми жалкими пособиями, которые мне удалось собрать.

К. Баев

P.I.U.F. 3, rue du Sabot, 75006 — PARIS

Екатеринодар
Кубань
Р. Белая
Пашковская
Бжедуховская
Армавир
Ставрополь
Татарка
Курганная
Шенжий
Белореченская
Ильская
Келермесская
Р. Лаба
Урупская
Николаевская
Р. Кубань
Ханская
Кужорская
Лабинская
Р. Уруп
Невинномысская
Майкоп
Кутаисская
Ярославская
Махошевская
Вознесенская
Попутная
Тульская
Ходзь
Владимирская
Апшеронская
Курджипская
Отрадная
Мостовая
Засовская
Абадзехская
Хамкетинская
Садовое
Хадыженская
Царская
Губская
Белая Мечетская
Елисаветпольская
Монастырь
Удобная
Даховская
Пер. Гойтх
Баговская
Ахметовская
Р. Бзелчук
Баталпашинская
2369
Туапсе
М. Лаба
Андрюковская
Пер Белореченский
Исправная
В. Псезуапсе
2498
Черноречье
Лазоревское
2396
Красногорская
Хышха
3156
Зеленчукская
Р. М. Зеленчук
Р. Шаха
Р. Кубань
Кр. Поляна
Пер. Псеашха
Головинка
Романовск
Ахцу
Сочи
Б. Лаба
Р. Мзымта
Р. Псоу
Черное Море
Маруха
3370
3461
Теберда
1750
2031
Адлер
Веселое
Пиленково
Гагры
2768
Пер. Марухай
3739
Теберда
К. Баев
40 км 80 км
80 км